

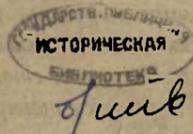
НАРОДОПРАВСТВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1918 г.

1 февраля.

№ 23—24.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ. ПѢСНИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.

Н. А. БЕРДЯЕВЪ. ДУХОВНЫЯ ОСНОВЫ РУССКАГО НАРОДА.

ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. ИДЕЯ ДИКТАТУРЫ ВЪ 1848 ГОДУ.

ВЛ. БЪЛЯВСКІЙ. РЕВОЛЮЦІЯ И ДУША НАРОДА.

ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. КРАСНЫЙ ПРИЗРАКЪ.

Д. АРКИНЪ. ЛЮБОВЬ КЪ ЗЕМЛѢ.

ПРОФ. ПАВ. ГЕНЗЕЛЬ. СОВРЕМЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РОССІИ ВЪ СВЯЗИ СЪ БОЛЬШЕВИЗМОМЪ.

БОРИСЪ КРЕМНЕВЪ. ТОРЖЕСТВУЮЩІЙ КОМУНИЗМЪ.

ПРОФ. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. РЕВОЛЮЦІЯ И ПРАВО.

Н. АНУФРИЕВЪ. ЭЛЬЗАСЪ-ЛОТАРИНСКІЙ ВОПРОСЪ.

Б. К. НАЧАЛО ИЛИ КОНЕЦЪ?

УСЛОВІЯ ПОДПИСЦИ:

НА ТРИ МѢСЯЦА—5 РУБ. ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НУМЕРА—50 К. ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЬЗУЮТСЯ КРЕДИТОМЪ И ЛЬГОТНЫМИ УСЛОВІЯМИ ПРИ ВЫПИСКѢ
НЕ МЕНѢ СТА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

Адресъ конторы:

Москва. Б. Дмитровка, 13 (ходъ съ переулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи:

Москва. Смоленскій бульв. 8. Тел. 61-03 и 4-27-29.

ПѢСНИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ¹⁾.

V.

Послѣдннй плачь семнадцатаго года!
Исхожены блужданія тропы,
И мечутся отчаявшисъ толпы—
Въ трехъ маревахъ: Миръ, Сытость и Свобода.

И твой кумиръ поруганъ, Власть Народа,—
Какъ ветхихъ славъ повержены столпы!
И Мстителя багрянныя стопы
Въ точилъ каръ насъ топчуть. Нѣтъ исхода!

Но, спертая противнымъ вътромъ, вспянь
Ты ринешься, мятежная стихія!
Гдѣ зыбь росла, тамъ будетъ мель зять.

Просторомъ волнь уляжется Россія
Надъ глубиной, и смолкнетъ гуль валовъ
Подъ звонъ со дна глухихъ колоколовъ.

31 декабря 1917 года.

VI.

Небесъ лѣтосчисленье—тайна любямъ:
Чреда вѣковъ—предъ Богомъ день одинъ,
И долгнйй день—какъ долгнйй рядъ годннъ.
Луговъ отъ сна до срока не разбудимъ;

Придетъ весна,—разлива не запрудимъ.
Надъ медленными всходами глубннъ
Скоропостижно блещетъ серпъ судьбннъ.
Кто нынѣ скажетъ, чѣмъ завтра будемъ?..

Обидѣль душу Руси, Церковь,—бѣсъ:
Подвигнулись священныя галеры
Хоругвей плавныхъ... Чу,—«Христось воскресъ!»..

И Духъ попутный дышитъ въ парусъ вѣры...
Богъ видитъ, сколько, въ этотъ крестный ходъ,
Страстей и Пасхъ ты справилъ, мой народъ!

28 января 1918 года.

VII.

Есть въ Оптиной пустыни Божія Матерь Спори-
тельница.

По видѣнню старца Амвросія
Написанъ образъ Пречистой:
По край земли дивно
Богатство нивное;
Владѣница съ неба
Глядитъ на просторъ колосистый;
Спорятся колосья,
И множатся въ полѣ снопы золотицатаго хлѣба...

Тайныя церкви глубннъ святорусскихъ Затворница,
Руси боримой со свѣтлыми духи Поборница,
Щедрая Благотворительница,
Смутъ и кровей на родимой землѣ Умирительница,
Дай намъ хлѣба въ скорости, —
Добрымъ всходамъ спорости,
Матерь Божія Спорительница!

Вячеславъ Ивановъ.

¹⁾ См. Народоправство, №№ 18—19.

ДУХОВНЫЯ ОСНОВЫ РУССКАГО НАРОДА.

Статья Н. А. Бердяева.

I. НАРОДЪ И КУЛЬТУРА.

Русскому интеллигентному обществу, выброшенному за боргъ жизни въ дни торжества его завѣтныхъ идей и упований, предстоитъ многое переоцѣнить послѣ пережитыхъ за послѣднее время катастрофъ. Слишкомъ многія традиціонныя идеи и оцѣнки не выдержали испытанія жизни. И прежде всего должно быть пересмотрѣно и переоцѣнено традиціонное интеллигентское отношеніе къ народу и къ культурѣ. Для русскихъ радикально настроенныхъ интеллигентныхъ и полуинтеллигентныхъ людей всегда была характерна съ одной стороны вѣра въ народъ и поклоненіе народу, съ другой стороны скептическое отношеніе къ культурѣ и нелюбовь къ культурѣ. Въ Россіи никогда не было ничего отъ духа Возрожденія, у русскихъ не было творческой избыточности. Самые творческіе русскіе люди творили не отъ избытка, не по свободному порыву, а отъ страданія и муки, съ надрывомъ, съ болѣзненной рефлексіей, съ недоверіемъ къ своему праву творить. Русскіе люди разныхъ направленій вѣрили, что народу естественно присуща мудрость, которой недостаетъ имъ самимъ, и ждали дня освобожденія народа, когда мудрость эта раскроется. Они мало вѣрили въ то, что есть мудрость въ культурѣ и что только народъ культурный, народъ поднявшійся на болѣе высокой уровеньъ развитія можетъ раскрыть всѣ заключенныя въ немъ возможности. На этой почвѣ происходила идеализація естественной народной тьмы и это вело къ преклоненію передъ количественной массой. Идеализація народной тьмы и поклоненіе трудящимся массамъ одинаково характерна и для русскихъ народниковъ и для русскихъ социаль-демократовъ, и тѣ и другіе считаютъ культурный слой «буржуазнымъ» и потому находящимся во лжи и неправдѣ. Морально такого рода оцѣнки очень приближаются къ толстовству—правду знаютъ лишь трудящіеся физически. Уже для представителей умственного и духовнаго труда правда закрыта, они—привелигированныя. Моральное осужденіе раздѣленія труда есть осужденіе культуры, непринятіе тѣхъ жертвъ, которыми она покупается. Нужно сказать, что марксизмъ впервые выступилъ въ Россіи, какъ течение болѣе культурное, чѣмъ старое народничество, онъ требовалъ болѣе высокаго интеллектуального уровня, возсталъ противъ идеализаціи русской отсталости. Но въ дальнѣйшемъ марксизмъ подвергся у насъ народническому перерожденію и русскіе марксисты также начали идеализовать тьму, если она связана съ міромъ трудовымъ, и поносить культуру, какъ порожденіе міра цензоваго. Социаль-демократическая идеологія безкачественнаго труда во всемъ даетъ перевѣсъ количеству, отрицаетъ значеніе способностей, образованія, опыта, призванія и потому неизбѣжно становится во враждебное отношеніе къ культурѣ. Устанавливается совершенно

механическое равенство, независимо отъ качества личности отъ культурнаго уровня. Механической, материалистической социализмъ разсматриваетъ чело-вѣка, какъ арифметическую единицу, какъ носителя извѣстнаго количества труда,—для него не имѣетъ значенія качественныя различія между людьми, для него не существуетъ индивидуальностей съ разнымъ вѣсомъ и разнымъ значеніемъ въ общественномъ организмѣ.

Физическій трудъ даетъ преимущество уже фактической, количественной своей силой. И социализмъ устанавливаетъ новую аристократію количества, аристократію физическаго труда. Въ условіяхъ физическаго труда, по этому ученію, лучше открывается истина и правда, чѣмъ въ условіяхъ духовнаго труда и творчества. Для социалистовъ-материалистовъ преимущество «народа» имѣетъ матеріальную основу. Для религіознаго народничества, напримѣръ, для толстовства, эта основа представляется религіозной. Но «народъ», который мыслится естественно близкимъ къ истинѣ и правдѣ, не есть великое цѣлое, объемлющее всѣ классы и всѣ поколѣнія, возвышающееся надъ всѣми социальными категоріями и перегородками,—«народъ» этотъ есть простонародье, для однихъ преимущественно крестьяне, для другихъ преимущественно рабочіе, трудящіеся классы, противопологаемые и классамъ имущимъ, и культурному слою. Русскіе люди все ждали, что «народъ» этотъ въ часъ своего освобожденія отъ гнета скажетъ новое слово о новой жизни, обнаружитъ какую-то особенную правду. Культурный слой нашъ никогда не сознавалъ своего достоинства и своего истиннаго призванія, онъ почти стыдился своей культурности, не видѣлъ въ ней истиннаго свѣта, критеріевъ истинъ и правды, онъ всегда искалъ этихъ критеріевъ во внѣ, въ темномъ, не зараженномъ грѣхомъ культурѣ «народа». Такова психологія большей части русскихъ писателей. Среди нихъ трудно найти сознаніе высшаго достоинства и призванія писателя, почти всѣ они немногочисленны. Болѣзненная рефлексія всегда раздѣдала русскую интеллигенцію, въ ней никогда не чувствовалось мужественной силы, излучающей свѣтъ изъ внутренняго источника. Въ Россіи въ сущности никогда не было духовной аристократіи, ощущающей призваніе быть руководящей силой въ народной жизни. Въ русскомъ интеллигентномъ слоѣ всегда было рефлектирующее-болѣзненное отношеніе къ культурѣ, которая считалась зачатой въ неправдѣ и насиліи. Толстовство—характерное явленіе русскаго духа. Почти всѣ русскіе гдѣ-то въ глубинѣ души склоняются передъ толстовскими моральными оцѣнками, какъ недосягаемо высокими. Изъ того же моральнаго источника истекаетъ и то, что русскій интеллигентный чело-вѣкъ догматически увѣренъ въ правдѣ и справедливости социализма, социализмъ для него не проблематиченъ въ своей моральной основѣ.

II.

Европейскій человекъ поклоняется творческимъ культурнымъ цѣнностямъ, вдохновленъ ими, русскій же человекъ поклоняется народу, вдохновленъ служеніемъ народу. Это традиционное русское народопоклонство совсѣмъ не связано съ культурой народа, съ повышеніемъ качественного уровня народа, оно скорѣе противопоставляетъ народу культурѣ, какъ правду неправдѣ. Русскіе интеллигентные люди въ сущности всегда склонны думать, что культура «буржуазна» и что русскимъ слѣдуетъ стать выше ея. Такъ думали не одни русскіе социалисты. Такъ думали и консерваторы—славянофилы и революционеры—западники. То течение, которое идетъ отъ Герцена, всегда брало подъ подозрѣніе культуру, какъ порождение «буржуазности», и идеализировало мужицкое царство, поклонялось «народу». Крайній правый лагерь и крайній лѣвый лагерь сходились въ подозрительномъ и враждебномъ отношеніи къ культурѣ, одинаково идеализировали непросвѣтленную народную стихію. Большевизмъ вполне сошелся съ черносотенствомъ. Въ жизни политической это родство выражается въ одинаково враждебномъ отношеніи къ праву. Русскій интеллигентный и культурный слой, очень тонкій и теряющийся въ окружающей его тѣмѣ, въ сущности капитулировалъ передъ необъятнымъ мужицкимъ царствомъ и безсильно склонился передъ его притягивающей темной бездной. Идолопоклонство передъ «народомъ» было недостаткомъ мужества и измѣной своей культурной миссии. Такая безсильная и рефлектирующая психологія очень мѣшала культурному подъему народа, дѣлу его просвѣщенія. Не можетъ нести свѣтъ во тьму тотъ, кто не увѣренъ въ собственномъ источникѣ свѣта, кто не имѣетъ въ себѣ твердой духовной опоры и вѣры независимой отъ окружающаго его человѣческаго количества. Интеллигенція безсильна была дать народу просвѣщеніе, но она отравила народъ полу-просвѣщеніемъ, разрушавшимъ народныя святыни и льстившимъ самымъ темнымъ народнымъ инстинктамъ.

Наша революціонная и радикальная интеллигенція въ массѣ своей всегда была полу-просвѣщенной и мало культурной. Она усомнилась въ высшей культурѣ, не достигнувъ ея, не переживъ ея. Русскій способъ преодоленія культуры и утвержденія русскаго народа, какъ стоящаго выше культуры, не можетъ особенно импонировать. Въ Россіи съ слишкомъ большою легкостью преодолеваютъ культуру тѣ, которые ея не вкусили, которые не познали ея цѣнности и ея трудности. Русскій гимназистъ сплошь и рядомъ считаетъ себя стоящимъ выше культуры, хотя онъ прочелъ всего нѣсколько брошюръ, ничего не знаетъ и ничего не пережилъ. Совсѣмъ иной духовный вѣсъ имѣетъ, когда преодолѣть культуру, освободиться отъ ея тяжести и перейти къ высшей жизни жаждать европейскій человекъ, у котораго каждая клѣтка проникнута священнымъ преданіемъ культуры. Это—трагическій процессъ. И это—очень серьезно. Русское же возвышеніе надъ культурой слишкомъ часто бываетъ лишь варварствомъ и нигилизмомъ. Русское отношеніе къ культурѣ и есть исконный русскій нигилизмъ, которому все слишкомъ легко преодолѣть, отъ всего слишкомъ легко отказаться. Этотъ нигилизмъ глубоко заложенъ въ русскомъ народѣ и обнаруживается въ ужасныхъ формахъ, когда въ народѣ

падаетъ вѣра и меркнуть древнія святыни подъ напоромъ нахлынувшаго на него полу-просвѣщенія. Тогда «народъ» жестоко мститъ «интеллигенціи» за разрушеніе древнихъ святынь отрицательнымъ полу-просвѣщеніемъ. Революціонная интеллигенція не имѣла настоящей культуры и не несла ея въ народъ. Но она не имѣла и религіозной вѣры, она утеряла жемчужину христіанства и фанатически повѣрила въ свое невѣріе, въ цѣлый рядъ отрицательныхъ догматовъ, которые представлялись непреложными полу-просвѣщенному сознанию. Что же она могла дать народу? На историческомъ перевалѣ, въ самый отвѣтственный часъ русской истории она разбудила въ народѣ корыстные и злобные инстинкты, освятила эти инстинкты и сама потомъ испугалась своего нигилистическаго дѣла. Вотъ горькій плодъ народопоклонства и вражды къ культурѣ. Широкіе круги радикальной и социалистической интеллигенціи въ эти дни ужасаются то, что торжествующій большевизмъ отдаетъ русскую культуру на погромъ и разграбленіе, что онъ отрицаетъ литературу, отрицаетъ духовный трудъ и выбрасываетъ за бортъ всю интеллигенцію, весь культурный слой. Но это не есть случайное злодѣяніе большевиковъ. Это—расплата за долгій путь. Все происходящее въ эти темные дни имѣетъ свое оправданіе въ народопоклонствѣ и нигилистическомъ отношеніи къ культурнымъ цѣнностямъ, которымъ грѣшили и тѣ, кого нынѣ гонятъ. Измѣна духовнымъ основамъ жизни не можетъ не караться, ея послѣдствія необходимо изжить, чтобы возродиться къ новой жизни.

III.

Трагично для судьбы Россіи и русскаго народа, что православное религіозное воспитаніе, полученное народомъ, недостаточно предохраняетъ отъ нигилизма и отъ буйства темныхъ хаотическихъ стихій. Русское православіе создало образы ослѣпительной святости, оно воспитало въ народѣ поклоненіе святости и святымъ, оно дало возможность многострадальному русскому народу смиренно нести свою тяжелую долю, оно открывало каждой душѣ человѣческой путь спасенія. Но русское православіе не давало того закала личному и народному характеру для жизни исторической и для созиданія культуры, который на Западѣ давало католичество, а по-своему и протестанство. Наше народное религіозное воспитаніе не было благоприятно культурѣ. Наше духовенство не давало народу необходимаго просвѣщенія. Въ народѣ религіозно воспитывался духъ смиренія по отношенію къ власти, но совершенно не воспитывался духъ активности и самодисциплины. Къ самоуправленію народъ не былъ подготовленъ всѣмъ своимъ прошлымъ. Въ русскомъ православномъ сознаниі заложено своеобразное народничество, недовѣріе къ культурѣ и культурному слою. Это недовѣріе распространяется не только на атеистическую интеллигенцію, которая и не заслуживаетъ иного къ себѣ отношенія, но и на іерархію высшей культуры. На Западѣ католичество боролось съ безбожной культурой, съ антихристіанскимъ просвѣтителствомъ, но оно само создало великую культуру, латинскую культуру Запада и поддерживало не только священное преданіе Церкви, но и священное преданіе культуры, оно воспитывало личность для жизни въ исторіи и для работы въ цивилизації. Результаты этого воспитанія въ секулярн-

зованномъ видѣ остались и въ народѣ, потерявшемъ католическую вѣру. Католичеству совершенно чуждо враждебное культурѣ народопоклонство. На католической почвѣ никогда не рождалось идолопоклонство передъ народомъ и естественной народной мудростью. Мудрость видѣли во Вселенской Церкви, въ Церковномъ Разумѣ, а не въ народной стихии. У насъ же почти не было священнаго преданія культуры, созданнаго и освященнаго нашей Церковью.

Сейчасъ мы вкушаемъ горькіе и ядовитые плоды русскаго ложнаго отношенія къ народу и къ культурѣ, нашего стараго поклоненія народу и нашей старой враждебности къ культурѣ. Горькимъ опытомъ узнаемъ мы, что значитъ возстаніе народа, не принявшаго еще культуры и громящаго культуру, что несетъ съ собой возстаніе количественной массы, не подчиненное никакимъ качествамъ, сбросившей всякую норму и законъ. Это есть расковыриваніе первозданной хаотической тьмы. Законъ государства, законъ цивилизации сдерживаетъ до времени темный и звѣриный хаосъ, грозящій уничтоженіемъ всякаго космическаго лада, подобно тому какъ природная законѣрность сдерживаетъ его для всего міроваго цѣлаго. Поклоненіе народу, какъ факту, какъ непросвѣтленному количеству, есть безбожное идолопоклонство. Народъ, какъ фактъ, какъ эмпирическая данность, не можетъ быть святыней, онъ самъ прежде всего нуждается въ святинѣ, которую онъ поставилъ бы выше себя, въ свѣтъ, который просвѣтилъ бы его естественную тьму, связанную съ первороднымъ грѣхомъ человѣческимъ и съ паденіемъ чловѣка въ состояніе звѣреподобное. Религиознаго отношенія къ себѣ заслуживаетъ не народъ, а чловѣкъ, какъ образъ и подобіе Божье. Культура сама по себѣ также не можетъ быть обоготворяема, но въ культурѣ есть цѣнности, которыя несутъ на себѣ отблескъ божественнаго свѣта и которыя заслуживаютъ почитанія и бережнаго къ себѣ отношенія. Народъ, какъ эмпирической фактъ, не заслуживаетъ никакого почитанія и поклоненія, въ немъ нельзя искать критеріевъ правды. Но въ глубинѣ души народной скрыты возможности высшей жизни и возможности эти должны перейти въ активное состояніе черезъ культуру. Народъ, раскрывшій въ себѣ высшія качества, народъ просвѣтленный и въ благородномъ смыслѣ этого слова культурный есть задание, а не данность. Высшая творческая духовная жизнь есть достояніе немногихъ, она не поддается демократизаціи. Но и многіе могутъ и должны быть подняты до средняго культурнаго уровня, могутъ и должны быть качественно повышены настолько, чтобы преодолѣть власть тьмы. Лишь въ мѣру преодоленія этой тьмы народъ призывается къ активной исторической жизни, къ опредѣленію судебъ государствъ. Это просвѣтленіе тьмы предполагаетъ іерархическія ступени. Вотъ почему задачамъ культурнымъ принадлежитъ духовное главенство надъ задачами политическими и принципъ эволюціонный долженъ быть нравственно поставленъ выше принципа революціоннаго. Одолѣніе хлынувшей на насъ народной тьмы не можетъ быть достигнуто одной политикой, революціонной или контръ-революціонной, оно предполагаетъ пробужденіе религиознаго свѣта въ душѣ народа. И прежде всего долженъ произойти радикальный переворотъ во всѣхъ оцѣнкахъ на духовныхъ вершинахъ русскаго общества, поворотъ отъ народопоклонства и идеализаціи народной стихійности къ прекло-

ненію передъ цѣнностями и къ творчеству духовной и матеріальной культуры. Народъ нашъ безъ смиренія передъ культурой и безъ творческаго отношенія къ культурѣ обреченъ на разложеніе и гибель.

П. НАРОДЪ И ЦЕРКОВЬ.

I.

Въ эти темные и страшные для Россіи дни нерѣдко приходится слышать нареканія на Церковь. Почему молчитъ Церковь, почему Соборъ не скажетъ своего властнаго слова объ ужасахъ, переживаемыхъ Россіей, о духовномъ паденіи русскаго народа? Пусть Церковь не должна заниматься политикой, пусть должна она стоять безконечно выше политической борьбы. Но вѣдь не о политикѣ нынѣ идетъ рѣчь. Погибаетъ Россія. Душа народа растлилась и пала такъ низко, какъ никогда не падала, корысть и злоба, зависть и месть безраздѣльно правятъ русской жизнью. Казалось бы, нареканія на Церковь, и въ частности на Соборъ, имѣютъ основаніе. Такъ, до революціи многіе недоумѣвали, почему Церковь не возвышаетъ своего голоса противъ зла самовластия, противъ растлѣнія власти, противъ царства распутинства. Плохо то, что говорящие такъ и предъявляющіе разныя требованія Церкви, слишкомъ часто говорятъ это со стороны, издали, сами они не въ Церкви и отъ Церкви давно отпали, но въ трудныя минуты готовы прибѣгнуть къ Церкви по соображеніямъ утилитарно-политическимъ. Та самая интеллигенція, которая все дѣлала для разрушенія Церкви, которая въ теченіе полустолѣтія подрывала вѣру въ народѣ, теперь испугана плодами своей дѣятельности и готова внѣшне цѣпляться за Церковь, какъ за якорь спасенія. Жалуются, что Церковь какъ бы покинула народъ, недостаточно заботится о немъ, недостаточно руководитъ имъ въ трудныя минуты его исторической жизни. Пусть это вѣрно. Но вѣдь есть и другая сторона, о которой забываютъ люди, для которыхъ вопросъ о Церкви—внѣшній вопросъ. Народъ самъ покинулъ Церковь, самъ отпалъ отъ Церкви, самъ лишилъ себя ея помощи, ея благодатныхъ даровъ. Чловѣку и народу представлена свобода быть въ Церкви или отпасть отъ нея. Спасеніе можетъ быть лишь свободнымъ. Церковь никого не держитъ насильственно въ своемъ лонѣ. Насиліе можетъ быть лишь дѣломъ государства. Революція многое выявила, и въ этомъ, быть можетъ, единственное ея значеніе, она раздѣлила сферы церковной свободы и государственнаго насилія. Русская революція обнаружила ту старую истину, которая для многіхъ была недостаточно ясна,—Церкви измѣнила и отъ нея отпала не только русская интеллигенція, какъ принято было думать и говорить, но и русскій народъ измѣнилъ Церкви и отпалъ отъ нея. И это ослабленіе религиозной энергіи русскаго народа произошло уже давно. Отсюда—слабость и немощь видимой русской церкви, которая такъ смущала и мучила лучшихъ, наиболѣе религиозныхъ русскіхъ людей. Отсюда и возможность страшныхъ словъ о параличѣ русской церкви. Необходимо задуматься надъ страннымъ русскимъ противорѣчіемъ: русскій народъ объявили самымъ религиознымъ, единственнымъ религиознымъ народомъ въ мірѣ, а Церковь русская была въ униженіи, въ немощи, въ параличѣ.

Если въ старой Россіи, до революціи, Церковь была долгое время въ рабствѣ у самодержавнаго

государства и управлялась деспотически то Побѣдоносцевымъ, то Григоріемъ Распутинымъ, если послѣ революціоннаго переворота Церковь безсильна справиться съ безбожной народной стихіей и не можетъ имѣть опредѣляющаго вліянія на судьбу Россіи, то это означаетъ не немощь той Церкви Христовой, которой не одолѣютъ и врата ада, а немощь церковнаго народа, духовное паденіе народа, слабость вѣры, утерю религиозной вѣрности. Церковный народъ, церковное челоуѣчество составляютъ неотъемлемую часть исторической жизни церкви на землѣ. И невозможно могущественное проявленіе и процвѣтеніе Церкви въ жизни исторической, когда народъ въ значительной своей части измѣнилъ вѣрѣ и отпалъ отъ церкви. Церковь пребудетъ, если останется всего три праведника, Церковь основана на качествахъ, а не на количествахъ. Но когда отпадаетъ отъ Церкви и измѣняется ей челоуѣческое количество, челоуѣческая масса, Церковь уходитъ въ глубину, дѣлается болѣе катакомбной и нельзя ждать отъ нея могущества въ историческихъ проявленіяхъ. Измѣнившій Церкви челоуѣкъ и измѣнившій Церкви народъ не можетъ предъявлять Церкви никакихъ требованій. Если въ русской православной Церкви совсѣмъ почти не было жизни прихода, не было соборности, то вина лежитъ не на Церкви Христовой, съ ея непреходящими святынями, а на церковномъ народѣ, на челоуѣческихъ грѣхахъ іерархіи, на челоуѣческой религиозной немощи. Въ нашей Церкви слишкомъ слабо была выражена челоуѣческая активность. И тѣ, которые своимъ религиознымъ сознаніемъ закрѣпили и освятили эту слабость челоуѣческой активности, виновны въ ослабленіи и паденіи церковной жизни. Немощь Церкви есть лишь наша собственная религиозная немощь, лишь прозрѣнія во внѣ нашего религиознаго безсилія и невѣрія, отсутствіе въ насъ дерзновенія передъ Господомъ. Активность Церкви въ исторической жизни предполагаетъ, положительную религиозную силу челоуѣческой стороны церковнаго организма. Церковь Христова есть богочелоуѣческій организмъ. Слабость и паденіе Церкви, мерзость и заустѣніе на мѣстѣ святомъ, есть лишь слабость и паденіе церковнаго народа, невѣріе челоуѣка.

II.

Ходъ русской революціи выяснилъ уже одну горькую для насъ русскую истину, которую необходимо мужественно признать. Въ свѣтѣ богочелоуѣческаго церковнаго сознанія должно быть переоцѣнено старое положеніе объ исключительной религиозности русскаго народа, которое поддерживали и славянофилы, и самые большіе русскіе писатели. Продолжать это утверждать было бы страшной фальшью и ложью. Длительная слабость, зависимость, «параличность» русской церкви не можетъ не вызывать подозрительнаго отношенія къ русскому церковному народу, къ русской религиозности. Народъ богоносный, въ которомъ сильна была религиозная вѣра и религиозная вѣрность, не допустилъ бы, чтобы Церковь его впала въ столь зависимое положеніе, онъ сдѣлалъ бы Церковь опредѣляющей силой своей исторіи. Нѣкогда, во времена св. Сергія Радонежскаго, Церковь и была опредѣляющей силой русской исторіи. Но это было очень давно. Тогда народъ былъ другимъ. Тогда духъ всей міровой эпохи былъ инымъ. Со времени раскола въ русской церкви церков-

ный народъ ослабѣлъ. Особенная религиозность русскаго народа давно уже должна быть поставлена подъ знакъ сомнѣнія. Въ массѣ народной эта религиозность всегда была полухристіанской—полужыческой. Но и это исконное полужычество русскаго народа все-таки религиозно безконечно выше и благороднѣе того невѣрія и нигилизма, которое все болѣе и болѣе охватываетъ народъ. Лучше поклоняться фетишу, чѣмъ самому себѣ, своей корысти, своему произволу. Интеллигентское поупросвѣщеніе быстро убило остатки вѣры въ массѣ русскаго народа. И какъ это ни горько, но нужно имѣть рѣшимость признать, что нынѣ русскій народъ менѣе религиозенъ, чѣмъ многіе народы Запада, что религиозная культура души въ немъ слабѣе. Полный нигилизмъ легче всего овладѣваетъ русскимъ челоуѣкомъ. И пора перестать видѣть въ этомъ нигилизмѣ обратную сторону исключительной русской религиозности, которой всегда нужно все или ничего. Нигилизмъ есть страшная болѣзнь русскаго духа, которую нужно перестать идеализировать.

Мы жалуемся, что Богъ покинулъ насъ и что Церковь Его не дасть намъ благодатной помощи, которая явилась бы источникомъ нашей силы, помогла бы намъ справиться съ ужасами нашего времени и спасти Россію отъ гибели. Но мы слишкомъ забываемъ, что мы сами оставили Бога, ничего не дѣлали для Него и для Его Церкви и что вина наша передъ Христомъ не можетъ не имѣть внутренней кары. Есть движеніе отъ Бога къ челоуѣку; оно всегда происходитъ въ Церкви и въ немъ свыше ниспосылаются благодатные дары. Но есть и движеніе обратное, встрѣчное, отъ челоуѣка къ Богу. Высшая религиозная жизнь есть всегда встрѣча любви Божьей и любви челоуѣческой. И вотъ нужно признать, что это встрѣчное движеніе любви челоуѣческой слишкомъ слабо и немощно въ каждомъ изъ насъ и во всемъ русскомъ народѣ. Оттого такъ мрачна и страшна наша жизнь. Въ слишкомъ трудныя минуты жизни мы готовы возложиться на Бога, вспоминаемъ о Немъ и выражаемъ претензіи къ Церкви, но сами сдѣлать для Бога ничего не хотимъ и въ Церкви не проявляемъ никакой жертвенной челоуѣческой активности. Въ свѣтлыя наши минуты мы вѣримъ, что Христосъ—нашъ Искупитель и Спаситель, и мы готовы искать помощи въ Христовой любви къ намъ. Но наша собственная любовь ко Христу, наше отвѣтное Ему движеніе, слабы и ничтожны. Христосъ пострадалъ за насъ, кровь Его вѣчно проливается для искупленія нашихъ грѣховъ и вѣчно совершается голгооская Его жертва для спасенія нашего въ жизни вѣчной. Но мы не хотимъ облегчить бремя жертвы Христовой нашей собственной жертвой, нашей собственной любовью. Мы почти негодумемъ, что Церковь молчитъ и бездѣйствуетъ, когда мы погибаемъ, когда погибаетъ народъ, мы выражаемъ нетерпѣніе и требуемъ насильственнаго вмѣшательства Божьяго Промысла, который совсѣмъ недавно еще не казался намъ столь нужнымъ. Но народъ погибаетъ отъ своей измѣны, отъ своего духовнаго паденія, отъ своей низости. Богъ не можетъ и не хочетъ насловать злую свободу людскую. Христосъ ждетъ свободной любви челоуѣка. Нынѣ у многихъ изъ насъ, русскихъ христіанъ, силенъ ужасъ передъ надвигающейся тьмой, сильна ненависть къ сѣятелямъ тьмы, но слаба свободная любовь ко Христу и нѣтъ между нами братства во Христѣ. Такая духовная атмосфера не можетъ

быть благоприятна для восприятия благодатной помощи Христовой. Со стороны, издали ничего нельзя воспринять в Церкви и нельзя предъявлять к Церкви никаких требований. Каждый должен быть в Церкви и являть собой возрождение силы Церкви над нашей грешной жизнью.

III.

Много ожиданий связывалось с Соборомъ. Но Соборъ можетъ быть лишь такимъ, каковъ церковный народъ. Если въ церковномъ народѣ слаба религиозная энергія, то она не можетъ быть сильна и въ Соборѣ. Соборъ соединяетъ и укрѣпляетъ религиозную энергію, но онъ не можетъ ее создать изъ пустоты, изъ человѣческаго ничтожества. Та особенная благодать, которая почтѣтъ на Соборѣ, предполагаетъ и особенную обращенность челоука къ Богу. Соборъ собирается въ трудное время религиознаго паденія и религиозной измѣны русскаго народа, послѣ слишкомъ долгаго рабства и паралича русской церкви. Ему не предшествовало никакого церковнаго движенія снизу, въ народной жизни, въ первичныхъ ячейкахъ Церкви. Русская духовная іерархія была не на высотѣ своего призванія, въ ней вѣками воспиталась пассивность, послушность всякой власти и не выработалось сознанія церковнаго достоинства. Іерархи русской Церкви не привыкли говорить властные слова, они не были духовными водителями народа. И эта слабость русскаго духовенства имѣетъ какія то основанія въ слабости самаго церковнаго народа. Народъ имѣетъ соотвѣтствующую ему власть свѣтскую и власть духовную. И нечего удивляться и негодовать, что Соборъ не говоритъ достаточно властнаго слова о судьбѣ Россіи. Властное слово Церкви предполагаетъ религиозно размягченныя сердца въ народѣ воспринимаемому. Сердца окаменѣвшія ничего не слышатъ и не узнаютъ. Вотъ почему въ посланіяхъ и литературныхъ памятникахъ Собора много условности и риторичности, въ нихъ слишкомъ чувствуется поддѣлка подъ старый церковный стиль. Новаго церковнаго стиля нѣтъ, потому что нѣтъ религиозной энергіи, по силѣ равной религиозной энергіи былыхъ временъ. Не чувствуется достаточно глубокой связи между Соборомъ и народомъ. И Соборъ остается изолированнымъ въ бушующемъ океанѣ народной жизни. Нѣтъ дыханія творческаго духа въ Соборѣ, потому что нѣтъ этого живительнаго дыханія въ церковномъ челоуцествѣ, въ церковномъ народѣ. Церковь пришла въ состояніе полнаго нестроенія и Соборъ долженъ быть занятъ бытовымъ устройствомъ Церкви, опредѣленіемъ ея отношенія къ государству, установленіемъ патріархата и т. п. Но Соборъ оказался не на высотѣ тѣхъ религиозныхъ темъ, которыми мучилось меньшинство русскихъ религиозно-алчущихъ людей. Соборъ можетъ быть органомъ церковнаго возрожденія, но онъ не можетъ создать церковнаго возрожденія.

Всякій народъ можетъ жить сильной и здоровой исторической жизнью лишь въ томъ случаѣ, если

онъ имѣетъ сильныя и здоровыя духовныя основы жизни. Безъ этихъ основъ разваливается и вся матеріальная жизнь народа. Духовными основами жизни народа могутъ быть лишь религиозныя основы, лишь онѣ даютъ дисциплину души. Эти дисциплинирующія основы народной жизни не могутъ быть даны отвлеченной философией или отвлеченной моралью. Эти духовныя основы должны имѣть свою символику. Символическіе знаки имѣютъ магическую власть надъ душой народной и ихъ уничтоженіе влечетъ за собой душевный распадъ. Такъ армія разлагается, когда уничтожается символическій знакъ отданія чести. Религиозная жизнь народной массы вся связана съ культовой символикой и она возможна лишь въ Церкви, въ конкретной исторической Церкви, она можетъ быть лишь церковной жизнью. Когда масса народная отпадаетъ отъ Церкви, она отпадаетъ и отъ всякой религиозной жизни, теряетъ духовныя основы своей жизни. Народное сектанское движеніе, которое многимъ представляется переходомъ къ болѣе высокому типу религиозности, кончается полнымъ рационализмомъ и невѣріемъ. Роковой процессъ отпаденія народной массы отъ Церкви происходитъ и на Западѣ. Но тамъ религиозное воспитаніе челоуцеской души было таково, что и послѣ утраты вѣры и отпаденія отъ христіанства остался крѣпкій осадокъ въ формѣ нормъ цивилизаціи и культуры, которыя были секуляризованными религиозными добродѣтелями. Христіанское сознаніе различія между добромъ и зломъ осталось у народовъ Запада и удерживаетъ ихъ отъ полнаго распада. Въ русскомъ народѣ, не имѣющемъ цивилизаціи, отвращающемся отъ срединнаго царства культуры, отпаденіе отъ христіанства влечетъ за собой паденіе всякихъ духовныхъ основъ жизни, т. е. чистѣйшій нигилизмъ. Русскій челоуцкъ считаетъ все дозволеннымъ, если нѣтъ Бога, нѣтъ безсмертія. Это раскрылъ Достоевскій. Это подтверждается и русской революціей. Такъ называемыя культурными цѣнностями живутъ лишь очень немногіе. Намъ нужно покаяться и признать, что западные народы и до сихъ поръ остаются религиозно болѣе крѣпкими, чѣмъ русскій народъ. Русскіе—религиозно хрупки и неустойчивы. Передъ избранными русскими людьми раскрывается безмѣрность и безконечность, невѣдомая западнымъ людямъ, но въ массѣ своей русскіе люди впадаютъ въ нигилизмъ. Духовное возрожденіе, подъемъ духовной энергіи можетъ начаться лишь послѣ покаянія. Въ «народѣ», какъ носителя истинной вѣры, болѣе вѣрить нельзя. Мы должны обратиться внутрь себя и изъ собственной глубины начать церковное объединеніе и творчество. Церковное народничество есть ложь и соблазнъ. Избранная интеллигенція должна возрождать въ народѣ Христову вѣру. Но отнынѣ церковный народъ будетъ составлять меньшинство. Къ старой бытовой религиозности нѣтъ возврата. Начинается періодъ сознательной религиозности. Миръ вступаетъ въ новый возрастъ.

Николай Бердяевъ.

ИДЕЯ ДИКТАТУРЫ ВЪ 1848 ГОДУ.

Статья проф. В. Устинова.

I.

Диктатура, какъ средство достиженія социального рая, не есть изобрѣтеніе большевиковъ. Это средство давно извѣстно въ исторіи политической мысли и до нѣкоторой степени было уже испытано на дѣлѣ и въ результатѣ—было отброшено, какъ негодное.

Наиболѣе полно опытъ примѣненія диктатуры для совершенія социального переворота былъ поставленъ во Франціи въ теченіе февральской революціи. И опытный урокъ, полученный тогда Франціей, имѣетъ огромное значеніе для современной Россіи.

Правда, и ранѣе въ эпоху великой революціи Франція прибѣгла къ диктатурѣ. То революціонное правительство, которое санкционировало конвентъ 10 октября 1793 г., было въ сущности системой диктатуры, опирающейся на терроръ. Вся власть была сосредоточена въ комитетѣ общественнаго спасенія, во главѣ котораго стоялъ, какъ извѣстно, Робеспьеръ. Ему были подчинены всѣ государственныя учрежденія, не исключая и революціоннаго трибунала. Самый конвентъ находился подъ гнетомъ его и почти безъ преній принималъ всѣ мѣры, имъ предлагаемыя. Свобода слова была совершенно заглушена. Критика конвента и правительства—запрещена. Неодобрительный отзывъ о монтаньярской конституціи 1793 г. привелъ Кондорсе къ смерти. Враги правительства объявлены были Робеспьеромъ врагами отечества и предавались суду революціоннаго трибунала, единственнымъ приговоромъ котораго была смерть.

Но эта страшная система, въ концепціи ея инициаторовъ, имѣла исключительно *политическую* цѣль. Маратъ взывалъ къ диктатурѣ, сопровождаемой грозными и обильными казнями, во имя укрѣпленія власти народа. «Во время революціи»—писалъ Сень-Жюсть:—«необходимъ диктаторъ, чтобы спасти государство силою». Наконецъ Робеспьеръ отстаивалъ, какъ онъ выражался, «деспотизмъ свободы противъ тиранніи», потому что спасти Францію отъ полнаго распада среди сложныхъ внутреннихъ неурядицъ, среди грозныхъ внѣшнихъ опасностей можно было только путемъ колоссальной концентрации власти. Недаромъ его сокровеннѣйшей идеей была идея о необходимости «единой воли, единой!»

Въ концѣ-концовъ на тотъ же путь концентрации всей государственной власти въ единыхъ рукахъ вступилъ и Наполеонъ I для довершенія и ликвидаціи революціи.

Но диктатура съ социальными заданиями была впервые испробована въ эпоху февральской революціи. Это, конечно, объясняется прежде всего тѣмъ; что въ то время, какъ великая революція была по преимуществу, если не исключительно политической, вторая республика возворилась среди ожиданій (а вмѣстѣ съ тѣмъ и опасеній) болѣе или менѣе глубокихъ преобразованій въ социальномъ строѣ.

Къ тому же, начиная съ эпохи реставраціи, и въ

особенности въ теченіе июльской монархіи стало распространяться ученіе о возможности совершенія социального переворота черезъ «насиліе сверху» дѣйствіемъ государственной власти. Это ученіе проповѣдывалось какъ радикальными, такъ и социалистическими писателями.

Особенно благосклонно относился къ диктатурѣ сенсимонизмъ. Придавая гораздо большее значеніе социальному укладу, чѣмъ формамъ правленія, заботясь болѣе о матеріальномъ благоденствіи народа, чѣмъ о его политической свободѣ, сенсимонизмъ стремился прежде всего къ твердой и сильной власти, которая была бы способна провести широкія социальныя реформы. Такое направленіе было присуще самому Сень-Симону, а нѣкоторые послѣдователи Сень-Симона (особенно Анфантенъ и Базаръ) еще болѣе его усилили. О. Контъ открыто стоялъ за диктатуру. Къ ней склонялся для извѣстныхъ историческихъ моментовъ и Бюше.

Игнорированіе внутренней цѣнности политической свободы и вслѣдствіе этого чрезмѣрное равнодушіе къ политическимъ формамъ было свойственно и другому теченію во французскомъ социализмѣ, родоначальникомъ котораго былъ Фурье.

Если не самъ Фурье, то его послѣдователь и продолжатель Консидеранъ прямо стремился опереться на власть въ социальномъ переустройствѣ. Традиціонный соблазнъ идеи просвѣщеннаго абсолютизма все сильнѣе овладѣвалъ имъ и онъ все болѣе склонялся къ властному вмѣшательству государства въ социальныя отношенія, къ «насилію сверху».

Эта вѣра во власть, какъ рычагъ, могущій при надлежащемъ управленіи имъ перевернуть весь социальный строй, сближала Консидерана съ сенсимонистами и отдаляла отъ Фурье. Не внутренними силами самого общества, постепенно усваивающаго и осуществляющаго идеи социальной справедливости, а дѣйствіемъ энергичной власти можетъ быть открыта новая эра въ общественномъ укладѣ. И чѣмъ колоссальнѣе была та задача, которую Консидеранъ вмѣстѣ съ сенсимонистами возлагалъ на власть, тѣмъ сильнѣе и безусловнѣе должна была быть эта власть. Съ другой стороны чѣмъ настоятельнѣе и скорѣе желалъ Консидеранъ вмѣстѣ съ сенсимонистами осуществленія своихъ ожиданій отъ власти, тѣмъ менѣе разборчивъ былъ онъ въ вопросахъ конструкціи власти и условій ея дѣятельности.

Все равно, какая власть—монархическая или республиканская, ограниченная или абсолютная,—лишь бы она взялась за социальное переустройство, и тогда ей заранѣе все прощалось и она освобождалась отъ необходимости считаться съ политическими гарантіями свободы гражданъ. Какъ утопающему нелѣпо настаивать на неприкосновенности своей личности, такъ и обществу—до его спасенія отъ гибельныхъ тисковъ старинной несправедливости—не слѣ-

дуетъ быть щепетильнымъ къ самымъ приемамъ его спасения.

Вопросъ о политической свободѣ, о самоуправленіи гражданъ откладывался до выполнения социальной революціи сверху, ибо этотъ вопросъ не долженъ былъ мѣшать власти выступить въ роли общественной спасительницы. При такомъ отношеніи къ власти, Консидеранъ естественно былъ склоненъ и къ оправданію диктатуры и поэтому, хотя онъ лично былъ противникомъ Наполеона, тѣмъ не менѣе его ученіе создавало настроеніе, благоприятствующее перевороту 2 декабря.

То же самое слѣдуетъ сказать и объ ученіи Луи Блана. Его система государственнаго социализма чрезмерно преувеличивала цѣнность власти, какъ орудія социального прогресса, и соотвѣтственно этому слишкомъ обезцѣнивала значеніе политической свободы.

Вообще концепція власти, какъ прогрессивной силы, призванной поднять социальный уровень народныхъ массъ, требуетъ отрѣшенія отъ распоряженія властью некультурныхъ и малокультурныхъ слоевъ населенія и не вяжется съ демократизаціей представительства. Обыкновенно такая концепція относится враждебно и къ всеобщему голосованію. И самъ Луи Бланъ нѣкоторое время раздѣлялъ такое отношеніе. Такъ на собраніи рабочихъ въ Люксембургскомъ дворцѣ въ 1848 г. онъ заявлялъ, что всеобщее голосованіе далеко не всегда служитъ выраженіемъ народной воли. И вскорѣ послѣ своего изгнанія, разочарованный, какъ и многие другіе тогдашніе радикалы и социалисты, результатами примѣненія всеобщаго голосованія, онъ писалъ, что оно не можетъ достигать своей цѣли до того времени, пока социальныя реформы не избавятъ народъ отъ невѣжества и нищеты. Его интимнѣйшей въ это время мыслью была необходимость радикальной диктатуры, какъ предварительной стадіи для господства истинной демократіи.

Такая мысль въ сущности всегда сродни тому нетерпѣливому этагизму, который исповѣдывалъ Л. Бланъ. Разъ нѣтъ вѣры въ силы народа, въ способности къ самодѣятельности общества, разъ всѣ надежды возлагаются лишь на власть, то легко и естественно рождается желаніе освободить власть отъ разныхъ препонъ и трений, которыя могли бы помѣшать ея культурной работѣ. Для производства тѣхъ радикальныхъ социальныхъ реформъ, въ которыхъ Л. Бланъ видѣлъ все благо народа, была нужна—на его взглядъ—демократическая власть, т.-е. власть, исшедшая изъ народа и обрѣкающая себя на служеніе народу, а не демократизація власти съ ея неизбѣжными трениями и замедленіями. Прудонъ былъ правъ, упрекая Л. Бланъ въ томъ, что онъ демократію приносилъ въ жертву единству власти. Духъ его ученія благоприятствовалъ отнюдь не развитію народоправства, а единоличной власти во имя и на благо народа—народной диктатурѣ.

Даже и Прудонъ при всемъ своемъ отвращеніи къ «благодѣяніямъ» власти, отстаиваніи самопомощи населенія и проповѣди политическаго аморфизма,—тѣмъ не менѣе способствовалъ успѣхамъ идеи диктатуры. И это прежде всего потому, что Прудонъ, со своимъ умомъ по преимуществу критическимъ, былъ силенъ только въ разрушеніи и не давалъ ничего положительнаго. На смѣну высмѣиваемыхъ имъ режимовъ и низвергаемыхъ политическихъ системъ онъ не выработалъ хоть сколько-нибудь осуществимаго плана новой общественной организаци и даже не выяснилъ точно сзюихъ

конечныхъ политическихъ стремленій. Онъ звалъ въ обѣтованную землю царства совершенной справедливости, но не указывалъ, какъ въ нее прійти. И самъ не разъ сбивался съ пути, мѣнялъ свои планы и хватался за случайную и ненадежную помощь.

Къ тому же свою республику, обеспечивающую полное торжество индивидуальной свободы, Прудонъ почиталъ осуществимой лишь послѣ осуществленія радикальныхъ социальныхъ реформъ. «Политическая революція, т.-е. уничтоженіе власти среди людей— есть цѣль; революція социальная—средство»,—писалъ онъ.

Въ виду этого онъ готовъ былъ принять любую власть, лишь бы она взялась за выполненіе социальной революціи и тѣмъ самымъ приблизила осуществленіе его идеала. Даже и въ государственномъ переворотѣ 2 декабря усмотрѣлъ онъ возможность торжества социальной революціи.

«Исторія раскрываетъ—писалъ онъ—значеніе 2 декабря: это—демократическая и социальная революція... Луи-Наполеонъ такъ же, какъ и его дядя,—революционный диктаторъ, но съ тою разницей, что первый консулъ призванъ былъ завершить первую фазу революціи, а президентъ открываетъ вторую».

Еще энергичнѣе высказывались за диктатуру такіе социалисты революционеры, какъ Бланки или Барбесъ. Бланки доказывалъ необходимость «парижской диктатуры» въ 1848 г. по крайней мѣрѣ въ течение года, и называлъ измѣною обращеніе къ всеобщему голосованію. По его утверженію, большинство гражданъ было «стадомъ рабовъ», «слѣпыми трибуналомъ», который 70 лѣтъ слушалъ только одну изъ сторонъ и который долженъ былъ бы новыя 70 лѣтъ выслушивать другую сторону. Приблизительно тѣми же идеями руководился и Барбесъ.

Да и далеко не столь революціонно настроенные радикалы въ значительномъ большинствѣ были сторонниками диктатуры. Нѣкоторые изъ нихъ стояли за диктатуру Парижа; другіе склонялись къ бонапартизму. И вообще распространенное среди радикаловъ преклоненіе передъ принципами 1793 г., восхваленіе монтаньяровъ и чуть ли не культъ Марата и Робеспьера роднили ихъ съ идеей диктатуры.

Сплетаясь въ этихъ историческихъ образахъ съ принципами крайней демократіи, диктатура для радикаловъ представлялась также вполне демократическимъ учрежденіемъ. Она была какъ бы необходимымъ предверіемъ истинной демократіи. Энергическая власть должна была смести всѣ препятствія для утверженія народоправства и черезъ это упрочить его окончательное торжество. Въ этихъ мысляхъ было больше революціоннаго задора и бравяды, нежели провѣренныхъ историческимъ опытомъ наблюденій, но онѣ соотвѣтствовали боевому настроенію радикальной группы и поэтому были въ ея средѣ столь популярны.

Наиболѣе выпуклымъ представителемъ этого направления среди радикаловъ былъ Ледрю-Ролленъ. И ему, какъ главѣ временнаго правительства второй республики, выпало на долю испытать правильность этого направленія на дѣлѣ. Онъ первый столкнулся съ всеобщимъ голосованіемъ, какъ съ реальностью, и счелъ себя призваннымъ принять мѣры, чтобы оно не обмануло возлагавшихся на него ожиданій. И онъ прибѣгъ къ диктаторскимъ приемамъ воздѣйствія

на выборы, которые возбудили против него сильнѣйшія нареканія и сокрушили его карьеру.

Ему ставили въ вину недовѣріе къ народу и усматривали въ этомъ противорѣчіе съ его демократическими убѣждениями. Но въ подобномъ противорѣчьи виновны очень многіе демократы и прежніе, и современные.

Подъ демократіей сплошь и рядомъ понимаютъ и чтутъ не правленіе народа, а правленіе именемъ народа, и народной волей называютъ не подлинныя желанія народа, а нѣкій искусственный препаратъ, который выдаютъ за народную волю.

Ледрю-Ролленъ былъ только болѣе откровененъ и грубъ и въ то же время менѣе удачливъ и находчивъ, чѣмъ другіе. Его колоссальной ошибкой было предположеніе, будто крестьянская Франція можетъ принять и переварить программу социальной республики. Но эту ошибку заставило его совершить обычное среди радикаловъ и социалистовъ смѣшеніе народа съ рабочимъ классомъ и признаніе не столько всей Франціи, сколько одного Парижа. Онъ признавалъ народный суверенитетъ, но къ народу-суверену онъ предъявлялъ властное требованіе, чтобы онъ употребилъ свою власть прежде всего, если не исключительно, на пользу рабочаго класса.

II.

Разбираясь въ причинахъ идеи диктатуры, необходимо прежде всего указать на роль июльскаго режима. Монархія Людовика-Филиппа глубоко дискредитировала представительный строй. Созданный ею парламентъ оказался совершенно слѣпъ и глухъ къ социальнымъ нуждамъ значительнѣйшей части населенія.

И такая корыстная инертность его не могла не породить все болѣе энергичныхъ требованій социальныхъ реформъ. Съ другой стороны первоначальный планъ радикаловъ добиться осуществленія этихъ реформъ путемъ предварительной демократизации государственнаго строя внушалъ мало къ себѣ довѣрія. Вступленіе невѣжественныхъ массъ на государственную арену считалось многими передовыми людьми того времени опаснымъ и нежелательнымъ.

Мысль Прудона о необходимости «демопедии» ранѣе демократіи выражала весьма распространенное убѣжденіе. Къ тому же радикалы основательно опасались, что защищаемая ими по преимуществу рабочая программа реформъ едва ли встрѣтитъ сочувствіе среди крестьянъ, которые при всеобщемъ голосованіи получали большинство голосовъ. И еще съ большимъ недовѣріемъ къ этому крестьянскому большинству должны были относиться социалисты, проектировавшіе, если не упраздненіе института собственности, то во всякомъ случаѣ коренное его преобразование. Такимъ образомъ съ помощью обычнаго аппарата конституціоннаго государства, какъ бы онъ ни былъ организованъ, представлялось невозможнымъ ревнителямъ социальныхъ реформъ достигъ своей цѣли. И естественно вставалъ соблазнъ обратиться къ экстремному средству, въ которомъ издавна видѣли спасеніе во время острыхъ общественныхъ кризисовъ,—къ диктатурѣ.

Какъ это ни странно, среди радикаловъ и особенно среди социалистовъ того времени было распространено убѣжденіе, что произвести крупнѣйшія со-

ціальныя реформы, даже социальную революцію, не представляетъ особой трудности; стоитъ только преодолѣть классовое упорство незначительнаго меньшинства. Говорили даже о возможности рѣшить все дѣло новой «социальной» ночью 4 августа. Но, такъ какъ на такое самоотреченіе со стороны новыхъ привилегированныхъ рассчитывать было трудно, то и склонялись къ необходимости навязать имъ силою новый социальный укладъ. Такое рѣшеніе основывалось главнымъ образомъ на вѣрѣ въ безграничную мощь законодателя, которая никогда не угасала во Франціи и которая вытекала изъ широко распространеннаго воззрѣнія на право, какъ на продуктъ свободнаго измышленія законодателя. При такомъ отношеніи къ законодательной власти, освобождавшемъ ее отъ необходимости считаться съ народнымъ правосознаніемъ и слѣдовать за нимъ, легко могло сложиться стремленіе осуществить съ помощью диктатуры социальную революцію. Единоличной власти легче было сломить сопротивленіе противниковъ социальныхъ реформъ; а разъ ей удалось бы достигнуть своей цѣли, то передъ огромной социальной цѣнностью полученныхъ результатовъ не имѣла бы никакого значенія временная утрата политической свободы.

Но дѣло въ томъ, что подобный расчетъ на диктатуру былъ совершенно ошибоченъ. Менѣе всего диктатура способна къ творческой дѣятельности по социальному переустройству. Въ лучшемъ случаѣ диктатура годна лишь для предотвращенія грозящей государству опасности, особенно внѣшней опасности. Ея смыслъ—въ напряженіи всѣхъ силъ народа съ цѣлью самообороны. Ея цѣль—охрана существующаго порядка. Поэтому ея характеръ всегда строго консервативный. Прогрессивная диктатура—невозможна, ибо насильственно навязанные народу законы или останутся мертвой буквой, или приведутъ только къ отрицательнымъ результатамъ. Такъ, законодательство Конвента времени диктатуры Комитета Общественнаго Спасенія было вскорѣ отмѣнено или вовсе не вступало въ жизнь. И менѣе всего могутъ рассчитывать на успѣхъ попытки диктаторской власти мѣшаться въ социальныя отношенія, особенно касающіяся собственности. Нормы, регулирующія собственность, тѣснѣе всего сплетаются съ народною жизнью, полнѣе всего выражаютъ господствующее правобѣжденіе.

Насильственно расторгнуть связь этихъ нормъ съ народной психикой—менѣе всего возможно. Поэтому есть основаніе утверждать, что вообще никакая социальная революція невозможна,—тѣмъ менѣе социальная революція, произведенная единоличною властью. Институтъ частной собственности можетъ постепенно преобразоваться, эволюционировать вплоть до перехода въ другой институтъ или даже полного уничтоженія. Но никакая власть не въ силахъ его отмѣнить en bloc или радикально измѣнить. Ибо основа собственности не въ законахъ, а въ чувствахъ народа, а чувства народа не поддаются волѣ законодателя. Только невѣдѣніемъ или игнорированіемъ этой связи права съ народной психикой объясняется вѣра радикаловъ и социалистовъ въ социальную роль диктатуры. И то фіаско, которое они потерпѣли, лучше всего вскрываетъ всю глубину ихъ ошибки.

Диктатура дѣйствительно встала и нашла поддержку въ населеніи, но именно въ качествѣ отпора призраку социальной революціи. Проповѣдники дик-

татуры среди радикаловъ и социалистовъ лили воду на чужую мельницу. Они создали настроеніе въ пользу диктатуры, но это настроеніе выразилось въ призывѣ диктатора съ совѣтъмъ инымъ назначеніемъ, нежели проповѣдуемое ими.

Народъ по своему вялъ этой проповѣди. Провозглашенный сувереномъ съ конца XVIII в. и тѣмъ не менѣе при всѣхъ режимахъ, которые смѣнялись съ тѣхъ поръ во Франціи, равно не допускаемый къ участию въ парламентскихъ выборахъ, народъ создавъ свой собственный государственный идеаль.

Такъ какъ ни одинъ парламентъ не позаботился серьезно о просвѣщеніи «суверена», то этотъ идеаль естественно былъ грубъ и примитивенъ. Такъ какъ съ другой стороны разныя системы народнаго представительства весьма мало думали о народѣ и о его благѣ, то этотъ идеаль естественно обходился безъ парламента. Въ немъ выражалась и тоска народа отъ собственной безпомощности и обреченности, и жажда лучшаго будущаго, и недовольство существующимъ государственнымъ строемъ, и все это сливалось въ грезу о нѣкомъ народномъ радѣтелѣ, сильномъ, мудромъ и властномъ, который все пойметъ и все устроитъ. И эта мечта тѣмъ легче овладѣвала умами

и сердцами, что она поддерживалась легендой, будто еще недавно былъ у народа такой человекъ, который воплотилъ въ себѣ всю великую революцію и поднялъ Францію до необычайной высоты.

И такъ какъ это была мечта, то каждый вкладывалъ въ нее свое собственное содержаніе, и всѣ ожиданія казались равно осуществимыми. Одни желали отъ этого человека новой всемірной славы, другіе—полнаго мира и внутренняго благоденствія; одни—установленія справедливаго равенства; другіе—обеспеченія порядка и собственности отъ посягательствъ со стороны социалистовъ.

И какъ только народъ получилъ возможность проявить свою злость, онъ осуществилъ свой идеаль и нашелъ своего сказочнаго Иванъ-Царевича, властнаго удовлетворить всѣ желанія и осуществить всѣ надежды, въ лицѣ принца Луи-Наполеона. Оставалось дать ему всю полноту власти, чтобы никто не мѣшалъ ему быть «благодѣтелемъ народа».

Такимъ образомъ идея диктатуры, которая въ то время поддерживалась и развивалась многими передовыми пи-агелями и дѣятелями, нашла себѣ неожиданное реальное воплощеніе.

Проф. В. Устиновъ.

РЕВОЛЮЦІЯ И ДУША НАРОДА.

Статья Вл. Бѣлявскаго.

«Такъ же безпріютно и непривѣтливо все вокругъ насъ, очно, какъ будто мы до сихъ поръ еще не у себя дома, не подъ родною нашею крышею, но гдѣ-то остановились безпріютно на пробѣжной дорогѣ, и дышишь намъ отъ Россіи не радужнымъ роднымъ пріемомъ братьевъ, но какою-то холодной, занесенной вьюгой почтовой станціей, гдѣ видится одинъ ко всему равнодушный стационный смотритель съ черствымъ отвѣтомъ: «Нѣтъ лошадей». Отчего это? Кто виноватъ?» Гоголь. *Избр. письма изъ переписки съ друзьями.*

«Мы подобны тѣмъ дѣтямъ, которыхъ не приучили мыслить самостоятельно; въ періодъ зрѣлости у нихъ не сказывается ничего своего: все ихъ знаніе—въ ихъ вѣгшнемъ бытѣ, вся душа ихъ—въ ихъ. Именно таковы мы». Чаадаевъ. *Философическія письма.*

«О, сынове Русіи! Потщитесь сохранить свое отечество, Русскую землю». *Новгородская летопись.*

Въ наши дни съ особой тревогою часто возвращаешься къ мысли о природѣ и свойствахъ національнаго характера, о судьбахъ нашей страны и народа, и съ тревожнымъ интересомъ ищешь объясненій и аналогій въ исторіи, стараешься найти сходство переживаемаго съ революціями другихъ странъ. Съ наибольшимъ, пожалуй, интересомъ относимся мы къ Великой Французской Революціи, какъ самой длительной, бурной и крупной, поражающей, иной разъ, на первый взглядъ своимъ внѣшнимъ сходствомъ съ тѣмъ, что происходитъ у насъ. Въ силу этого особый, специальный интересъ приобрѣтаетъ для насъ русскихъ, книга Густа-Ле-Бонъ «La révolution française et la psychologie des révolutions», какъ попытка на почвѣ французской революціи найти общіе принципы и законы революціи, подвергнуть анализу и характеристикѣ тѣ основные силы и элементы, которые играютъ главную роль въ революціяхъ. Не останавливаясь на всей книгѣ Ле-Бонъ, я хотѣлъ бы коснуться лишь тѣхъ ея главъ, которыя представляютъ ея теоретическую основу и въ то же время совпадаютъ съ наиболее глубокими вопросами на-

шей современности, на главахъ, тракующихъ о народѣ, его характерѣ и душѣ, его основныхъ силахъ и роли ихъ въ революціяхъ. Быть можетъ, выбирая эти главы, мы поступаемъ вопреки намѣренію ихъ автора, но на нашъ взглядъ именно онѣ представляютъ главный существеннѣйшій интересъ всей книги.

Существеннѣйшую роль въ періоды революцій играетъ характеръ народа, его душа. Эта душа создавалась рядомъ вѣковъ, рядомъ потрясеній. Большое значеніе въ ея созданіи, хотя, быть можетъ, все же недостаточное, придаетъ Ле-Бонъ религіознымъ теченіямъ и потрясеніямъ, которыя, «давая народу моральное единство, значительно увеличиваютъ его матеріальную силу». «Въ прошломъ, созданномъ медленнымъ вѣковымъ накопленіемъ, создается совокупность мыслей, чувствъ, традицій, даже предразсудковъ, составляющихъ душу націи, являющуюся силой расы. Безъ нея невозможенъ прогрессъ». Въ характерѣ каждаго народа борются два элемента—устойчивость (stabilité) и подвижность, измѣняемость (malleabilité). Въ каждомъ народѣ соотношеніе этихъ силъ различно, но несознаваемый смыслъ исторіи каждаго народа—постепенное приданіе устойчивости душѣ націи. «Устойчивость достигается очень медленно. Исторія народа есть въ сущности рассказъ о его длительныхъ усиліяхъ сдѣлать устойчивой свою душу. Пока онъ этого не достигъ, онъ является толпой варваровъ безъ связи и силы». Послѣ бурныхъ революцій, если душа народа была слишкомъ устойчива и неизмѣнна, является, какъ это было во время и послѣ французской революціи, «тяжелая задача передѣлывать душу націи».

Въ періоды революцій два указанныхъ выше начала—устойчивость и измѣняемость—входятъ въ острую борьбу и взаимодействіе, но лишь въ устойчивости, лишь въ свойствахъ народной души, заклю-

чаются тѣ силы, которыя изъ анархии и террора создаютъ новое единство и силу,—ту силу, которая дала возможность французской революционной армии бороться и побѣдить коалицію. Въ цѣли настоящей статьи не вхотить дальнѣйшій разборъ книги Ле-Бонъ; его учение о народной душѣ, о ея значеніи для исторіи страны вообще и въ эпоху революцій въ особенности представляетъ для насъ самую важную и самую близкую часть всей книги. Вопросъ о народной душѣ это тотъ вопросъ, который всего больнѣе и настойчивѣе долженъ становиться теперь передъ сознаниемъ русскихъ людей. Этотъ вопросъ уже давно ставился русскими мыслителями, въ частности тѣми двумя пессимистами, слова которыхъ мы привели въ началѣ этой статьи. Определеніе народной души у Чаадаева почти дословно то же, что у Ле-Бонъ. «Народы въ такой же мѣрѣ существа нравственныя, какъ и отдѣльныя личности. Ихъ воспитываютъ вѣка, какъ отдѣльныхъ людей воспитываютъ годы». Кромѣ общаго характера, у cadaго изъ этихъ народовъ (народовъ Европы) есть еще свой частный характеръ, но и тотъ и другой всецѣло сотканы изъ исторіи и традиціи. Они составляютъ преемственное идейное наслѣдіе этихъ народовъ. Каждый отдѣльный человекъ пользуется тамъ своею долею этого наслѣдства». Въ его основѣ лежатъ «идеи долга, справедливости, порядка». «Онѣ родились изъ самыхъ событій, образовавшихъ тамъ общество, онѣ входятъ необходимымъ элементомъ въ социальный укладъ этихъ странъ». Переходя къ намъ, Чаадаевъ не находитъ этихъ идей, не находитъ установившейся души народа и приходитъ къ тому пессимизму, который былъ такъ плохо понятъ его современниками и потому такъ восторженно принятъ лѣвой частью гогдашней интеллигенціи, пессимизму, который былъ такъ непріятенъ славянофиламъ. «Мы, можно сказать, нѣкоторымъ образомъ—народъ исключительный. Мы принадлежимъ къ числу тѣхъ націй, которыя какъ бы не входятъ въ составъ человѣчества, а существуютъ для того, чтобы дать міру какой-нибудь важный урокъ. Наставленіе, которое мы призваны преподавать, конечно, не будетъ потеряно, но кто можетъ сказать, когда мы обрѣтемъ себя среди человѣчества и сколько бѣдъ суждено намъ испытать, прежде чѣмъ исполнится наше предназначеніе!».

Исполнилось ли или нѣтъ наше предназначеніе, близко ли его исполненіе, но бѣды, которыя предчувствовали Чаадаевъ, переживаютъ Россіей въ размѣрахъ, о которыхъ никто изъ нашихъ пессимистовъ, вѣроятно, и не думалъ. Наступило время небывалыхъ потрясеній, невиданныхъ несчастій и позора и уже не съ отвлеченнымъ пессимизмомъ кабинетнаго мыслителя, а съ мучительной тоской дѣятельнаго человека мы обращаемся къ мысли о душѣ народа.

Когда теперь осуждаютъ и винятъ отдѣльныхъ людей, отдѣльныя группы и партіи, я не могу не присоединиться къ этимъ осужденіямъ, не могу не испытывать глубокаго негодованія и возмущенія ихъ политикой то слѣпой и безграмотной, то сознательно преступной и антинаціональной, но черезъ эти осужденія я не могу не видѣть самаго страшнаго, того, безъ чего безсильны были бы вольные и невольные грѣхи политикановъ, именно чего-то ужаснаго въ самой сущности народной, полной пустоты и не-

устойчивости, полнаго отсутствія души народа. Я захожусь на фронтѣ, вижу вблизи армію, солдатъ, слѣжу за ихъ бытомъ, настроеніями, за ихъ внутренней духовной жизнью и послѣдняго—духовной жизни—просто не нахожу. Я вижу людей, изъ которыхъ по какому-го волшебству вынута ихъ духовное, нравственное содержаніе; осталась оболочка, которая ѣсть, пьетъ, ругается, иногда по инерціи несетъ привычную службу, а чаще возмущается, шумитъ, бьетъ, грабитъ, бѣжитъ... Много страшнаго и отвратительнаго пришлось видѣть, но, пожалуй, самое страшное самое отвратительное, это именно отсутствіе какого-ли бо духовнаго содержанія, какъ-либо устойчивости. Убѣжденій какихъ-либо, хоть самыхъ ложныхъ и дикихъ, просто нѣтъ. Чтобы вы ни сказали, если вы это сказали твердо и убѣжденно, съ вами искренно согласятся, для того чтобы *столь же искренно* черезъ минуту согласиться съ вашимъ противникомъ.

Въ минуту страшной опасности, развала и позора мы съ ужасомъ ищемъ и не находимъ народной души, не находимъ ничего всѣмъ цѣннаго, всѣмъ дорогаго и святаго. И тѣ вопросы, которые ставилъ Чаадаевъ, теперь становятся передъ сознаниемъ русскаго человека съ небывалою и страшною значительностью. Бѣдствія наступили и, если Россія не найдетъ своей души, не обрѣтетъ ея, если нѣтъ у насъ никакого «преемственнаго идейнаго наслѣдія», то нѣтъ надежды на спасеніе Россіи, нѣтъ даже права на ея спасеніе.

Поэтому вопросъ о народной душѣ, народной культурѣ—вопросъ коренной и роковой и при рѣшеніи его не можетъ быть мѣста ни для необоснованныхъ надеждъ, ни для преждевременнаго отчаянія. Рѣшая этотъ вопросъ, мы должны вспомнить такъ легко забываемую и забытую исторію нашу, исторію нашей культурной, внутренней жизни, которая въ иную эпоху была такъ напряжена и такъ національна. Въ настоящей статьѣ не мѣсто историческимъ изысканіямъ, не мѣсто останавливаться и на отдѣльныхъ дѣятеляхъ, отдѣльныхъ эпизодахъ нашей исторіи. Стоитъ каждому остановиться мыслью на любомъ вѣкѣ Русской исторіи въ Киевскій, Московскій или Петербургскій періоды и передъ глазами возникнутъ трогательные, святые образы русскихъ подвижниковъ, святыхъ, мыслителей, дѣятелей, творившихъ все то же «дѣло великой крови и великаго пота», созидавшихъ и укрѣплявшихъ Россію, несшихъ въ себѣ и распространявшихъ все ту же идею подвига, жертвы личнымъ ради общаго, вносившихъ въ государство одухотворяющее нравственное начало. Вспомнятся ли труды и молитвы иноковъ Киевской Руси и одновременная ихъ богатырская служба (съ вѣку до вѣку,

Да за вѣру, тую вѣру православную,
Да за церкви, да за Божія...»

или общее трудное и святое дѣло борьбы съ татарами, или дѣла Смутаго Времени, или мирное дѣло просвѣщенія и устроенія земли; всюду видимъ мы то же благоговѣйное, напряженное дѣло, ту же мысль: «Бога ради и Богородицы попекись о православномъ христіанствѣ; о своемъ отечествѣ». Идея отечества, обязанности жертвы ради него, святости труда для него, эти идеи ложились въ основу русскаго государства, составляли его духовную опору, являлись народной душой. И эти идеи освящались и закрѣплялись жертвами, кровью, молитвами праведниковъ,

ихъ тоскою за родную землю. Благоговѣйное воспоминаніе объ этихъ жертвахъ, праведникахъ и молитвенникахъ создавали ту общую народную традицію, ту всеми признанную народную сокровищницу, которая объединяла вокругъ себя ряды людей и поколѣній.

Эта сокровищница постепенно засыпалась, благоговѣйныя воспоминанія забывались и постепенно народная душа заносилась пылью, грязью, умышленнымъ презрѣніемъ. Теперь, въ роковыя минуты русской исторіи, мы этой души не находимъ и въ разъединеніи и разложеніи не имѣемъ ничего общаго, признаннаго и почитаемаго всеми. Въ этомъ огромная вина всѣхъ насъ, всей русской интеллигенціи, и эта вина именно теперь должна быть искуплена и исправлена.

Каждый честный русскій человѣкъ найдетъ и находить свое мѣсто въ происходящей теперь борьбѣ, борьбѣ внѣшней и внутренней; свой прямой долгъ онъ исполнитъ. Но кромѣ прямого, служебнаго долга у всѣхъ искренне русскихъ людей есть другая задача, огромная, какъ будто неисполнимая, но которая *должна* быть исполнена.

Эта задача—воскрешеніе души народа.

Ибо душа эта была; какъ ни безнадежны мысли Чаадаева, какъ ни много въ нихъ правды, но мы не можемъ забывать о всей нашей исторіи, о той традиціи любви и жертвы, которая шла непрерывно съ первыхъ шаговъ нашего государства до нашихъ дней.

Тоска и страданія дѣятели Русской земли, ихъ кровь и ихъ молитвы, работа «благодатныхъ воспитателей земли русской», наша исторія, наша литература, все этого говорить, что душа народа была, что трудно и болѣзненно она созидалась. Эту душу мы чувствуемъ, читая былины, изучая нашу исторію, проѣз-

жая по стариннымъ русскимъ городамъ, читая нашихъ классиковъ. Эта душа слишкомъ дорога, слишкомъ выстрадана, чтобы можно было вѣрить въ ея окончательную гибель и съ нею въ полную гибель страны и народа. Во что бы то ни стало, мы обязаны отвоевать эту душу, воскресить ее; мы это должны дѣлать сейчасъ же, не смущаясь тѣмъ, что одновременно текущій моментъ требуетъ отъ насъ злободневной работы и напряженной борьбы. Мы не должны останавливаться передъ трудностью и въ то же время мелочностью работы. Мы должны помнить, что даже разбитая, раздѣленная Россія сможетъ жить, но что безъ души народной жизни нѣтъ, а есть лишь прозябаніе, «толпы варваровъ безъ связи и силы».

Эта работа должна идти одновременно по нѣсколькимъ направленіямъ: мы сами должны вспомнить, воскресить въ себѣ любовь къ нашей забытой народной душѣ; должны дагъ возможность широкимъ кругамъ интеллигенціи узнать не внѣшнюю нашу исторію, но исторію нашей духовной культуры, ея развитіе и накопленіе на всемъ протяжении нашей исторической жизни, и въ то же время мы должны дать и народнымъ массамъ возможность узнать ее и полюбить ея дѣятели и подвижниковъ; мы должны приучить ихъ цѣнить и чтить ту сокровищницу нашего духа, которая такъ долго и благоговѣйно созидалась.

Велика трудность, въ эпоху полного развала, въ дни грабежей, убійствъ и всяческихъ преступленій начинать работу культурнаго возрожденія и воспитанія народа, *но эта работа должна быть сдѣлана*, этого требуютъ отъ насъ молитвы нашихъ подвижниковъ, кровь, страданія и тоска дѣятели нашей исторіи.

Вл. Бѣлявскій.

Москва, 10 октября 1917 г.

КРАСНЫЙ ПРИЗРАКЪ.

Листки изъ дневника.

«Красный призракъ коммунизма гуляетъ по всей Европѣ». *Обращеніе къ нѣмецкимъ рабочимъ Петроградскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.*

Не надо быть мистикомъ и религиознымъ человѣкомъ, чтобы признать связь и зависимость между явлениями повседневной матеріальной дѣйствительности и самыми высокими и таинственными началами духовной культуры. И если даже въ грубой концепціи «экономическаго матеріализма» мы находимъ попытку истолкованія такихъ сложныхъ событій, какъ жизнь и творчество Данта или религиозный пафосъ солдатъ-революционеровъ эпохи Кромвеля, то тѣмъ менѣе основаній отрицать эту связь и зависимость, руководствуясь иною философией исторіи, не столь наивною.

Теперь, когда, по загадочному и двусмысленному признанію Петроградскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ *красный призракъ* коммунизма гуляетъ по всей Европѣ, умѣстно будетъ вспомнить, что предшествовало появленію этого призрака въ планѣ европейской духовной культуры и въ частности нѣкоторые факты и событія въ духовной жизни Россіи. Вотъ объ этихъ послѣднихъ мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ на страницахъ моего дневника по поводу книги Вячеслава Иванова «Родное и Вселенское» и статьи поэта Блока «Интеллигенція и революція», напечатанной на столбцахъ одной «интернациональной» газеты.

Прошу извинить меня за вольность формы моего дневника, за то, что я попутно подѣлюсь съ читателями нѣкоторыми воспоминаніями.

I.

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ, вернувшись изъ дальнихъ странствій, попасть я въ тогдашній Петербургъ, и первый человѣкъ, съ которымъ мнѣ пришлось тамъ встрѣтиться былъ Д. С. Мережковскій. Помню я тотъ вечеръ въ домѣ Д. С. Мережковскаго, когда я, полный еще впечатлѣній отъ встрѣчъ съ такими людьми, какъ покойный шлиссельбуржецъ Мартыновъ, каторжанинъ Іоновъ, Шебалинъ, и съ иными тогда еще молодыми революционерами, которые нынѣ кажутся ветеранами революціи, очутился въ обществѣ тѣхъ, кого молва называла декадентами. Помню я, какъ подошелъ ко мнѣ одинъ уже не юный поэтъ, съ злою улыбкою и добрыми глазами, и, намекая на появившуюся тогда мою статью «Свѣтлѣють дали», сказалъ насмѣшливо: «А по моему *онъ темнѣютъ*». Это былъ самый послѣдовательный и подлинный, самый умный и тонкій декадентъ, чья благоуханная лирика и загадочно-значительныя повѣствованія имѣютъ непреходящее значеніе. О чемъ же говорили тогда въ этомъ кружкѣ декадентовъ? *О революціи.*

Декадентство и революція! «Да, вѣдь, это все та же тема, только съ другого конца»,—думалъ я, вспоминая вѣщія слова Достоевскаго о «русскихъ мальчикахъ»—о Богѣ и социализмѣ. Да, вѣдь, это все тотъ же бунтъ во имя утвержденія личности, ея независимости, ея свободы: тутъ *соціальное* входитъ въ соприкосновеніе съ *индивидуальнымъ*.

Н. К. Михайловскій не угадалъ значенія и значительности русскаго декадентства. Ему казалось, что на Западѣ естественно появленіе декадентовъ, ибо тамъ они—плодъ давней культуры и буржуазнаго общества, утомленнаго этою давнею культурою, а въ Россіи какъ будто и нѣтъ почвы для этихъ

махровых и ядовитых поэтических цветов. Ошибка Н.К. Михайловского, как и всей нашей средней интеллигенции, заключалась в том, что он не дооценил или—даже впрямь—проглядел огромную культурную работу, совершенную народом в двухсотлетней императорской период русской истории. Его взгляд был прикован к срой угнетенной неграмотной мужицкой деревни, и эта неравномерность в распределении культурных ценностей не позволяла ему безпристрастно взглянуть на те сокровища, которые накоплены были в течение двух столетий на вершинах русского общества.

Печальный разрыв между утонченностью образованных классов и стихийною первобытностью народа больно задвывает нравственное чувство и нравственное сознание. Но этим не умалялась, однако, огромность Пушкина, Толстого, Достоевского, Глинки, Александра Иванова, гениальных наших содичих и примечательнейших наших мыслителей—хотя бы того же Константина Леонтьева или Владимира Соловьева. Огромности нашей культуры не заметил Н. К. Михайловский и потому естественно не понял и декадентов наших, явившихся правомочными наследниками Гоголя, Лермонтова и Тютчева. С легкой руки Михайловского утвердилось в русском интеллигентном обществе непонимание декадентства. Но, кажется, пора уяснить себе, что недаром появились эти люди и что их появление не случайно совпало с падением империи и с действительным кризисом русского национального сознания.

II.

Связь и зависимость такого явления, как декадентство, с революцией постепенно выяснились для самих декадентов в течение знаменательного трехлетия от 1903 до 1906 года. Правда, не для всех декадентов эта зависимость была очевидна. В московском кружке поэтов, объединившихся вокруг журнала «Весь», процветало довольно невинный эстетизм, и этим все дело ограничивалось. Зато в Петербурге, вокруг журнала Д. С. Мережковского «Новый Путь», а потом вокруг «Вопросов Жизни» собрались более проникательные люди, уразумевшие смысл событий и свое место в мире. Эти люди прислушивались жутко к грядущей бурь. Они понимали, что кто-то «поет и насвистывает», что это «прелюдия ко дню возстанья из мертвых».

К этому времени относится появление моей брошюры «О мистическом анархизме». Брошюра эта, неудачно, неосновательно и торопливо написанная, не заслуживала бы вовсе внимания, и я не решился бы напомнить о ней, если бы ее судьба не была примечательна. Судьба ее была примечательна тем, что она вызвала необычайно страстную полемику. Ее все старались осмьять—все: и декаденты, и провозвественники «нового религиозного сознания», и славянофилы, и марксисты, и народники. Как это ни странно—в течение трех лет на страницах журналов, газет, сборников и книг появлялись все новые и новые статьи и замечки с сердитыми и ядовитыми выпадами против злополучной брошюры и ее автора. Не спасла брошюру и обстоятельнейшая вступительная статья такого почтенного, значительного и ученого писателя, как Вячеслав Иванов. Poleмику перенесли даже за границу, на страницы «Mercure de France». В чем же дело? В те дни я не отдавал себе ясно отчета в причинах этого неожиданного литературного вихря, возникшего вокруг моей брошюры. Теперь, когда мне довелось написать девятнадцать иных книг, я хладнокровно, со стороны, могу посмотреть на этот эпизод моей биографии и понимаю, что причина запальчивой полемики—в самой темь этой брошюры. Неопытный автор слишком громко, неосторожно и поспешно произнес такие слова, как у многих были на уме—это слова о кризисе декадентства, о зависимости этого явления от критического периода русской, и, может быть, европейской культуры, о динамике религиозного творчества.

В защиту автора можно сказать только одно—он вовсе не претендовал, как ему приписывали, на провозглашение какого-то нового миропонимания. В брошюру было точно сказано: «мистический анархизм не является законченным мирозерцанием»—и в другом месте опять: «мистический анархизм не есть цельное мирозерцание, замкнутое в себе: он является лишь путем к религиозному действию». Но—увь!—этих слов никто не слышал. И все торопливо, с недоброю иронией, истолковали мистический анархизм как проповедь «анархического мистицизма», т. е., как проповедь какого-то безформенного, безрелигиозного, темного, демонического мистицизма—обвинение в самом деле тяжкое. Обвинение это было темь более жестоко, что в событиях

самой жизни и в явлениях культуры в те дни такой темный анархический мистицизм воистину торжествовал. Это была правда, а не выдумка. Тогда дьяволы съели съмена бури, а теперь мы собираем эту дьявольскую жатву.

III.

Декадентство не только литература. Декадентство за пределами какой угодно эстетической категории. Декадентство даже за пределами психологизма. В нем есть своя первичная сущность. Декадентство есть прежде всего своеволие, отъединение, самоутверждение, беззаконие. В мистическом анархизме эта тема бунта, этот внутренний мятеж самоопределяющейся личности, нашла свое предельное выражение, но естественно, что в нем же раскрылось и другое положительное начало. Идея, доведенная до своего предельного развития, вызывает антимистическую идею, прямопротивоположную. Так и мистический анархизм предопределял кризис декадентства. В нем намечалось утверждение личности в общественной. Из «непримиримого Нэт», по слову поэта, рождалось «слепящее Да». Это была попытка выяснить, что декадентский бунт есть мнимый бунт, ибо понятие бунта предполагает идею личности, а личность не может себя утверждать одиноко в своей оторванности от мира. Личность может осознать себя лишь в единстве, найти себя в том едином чуде, без которого весь мир распадается на зеркальные осколки множественности и хаотического беспорядка. Возможную гармонию мира нельзя обрести вне христианства или помимо христианства, как единого чуда нельзя разгадать, не увидев Христа лица.

Вот этого последнего исповедания и не заметили критики «мистического анархизма» и, быть может, в этом повинны были не столько они, сколько сам автор, двусмысленно называвший себя Никодимом, *ночным* учеником Учителя.

Я позволил себе напомнить о мистическом анархизме (не о брошюре моей, а прежде всего о самой темь и принципе), потому что в наши дни все русское общество, включая сюда фабричный город и нашу деревню, как бы распалось на мельчайшие атомы. Декадентское своеволие, отъединение, обособление, эгоизм—все это стало вдруг характернейшей чертой русского человека. То, что пятнадцать-двадцать лет тому назад было особенностью утомленных культурой одиноких эстетов, стало вдруг достоянием всякого фабричного рабочего, крестьянина и полупросвещенного мещанина. И дело тут не только в грубейшем и жадном эгоизме, а во внутренней злокачественной идее, что «все позволено», что нет никаких святынь, нет норм, нет законов, нет догматов, что на все «наплевать». Это уж, конечно, не мистический анархизм, а самый подлинный *анархический мистицизм*, то есть идея бунта и своеволия, доведенная до предельной бессмысленности, до темного и злобующего идиотизма. Мистика, область непознаваемого и тайного, раскрывается, как черная яма, как зияющая могила, когда человек, забыв о Христе, разгуляется так во-всю. Бдения не замечает, что он идет по жердочке над бездною и что слабый порыв ветра сдунет его, как соломинку, в эту самую яму, на великую радость божьей силе.

Все эти мысли имеют прямое отношение к темам, затронутым Вячеславом Ивановым в его книге «Родное и Вселенское» и Александром Блоком в его статье «Интеллигенция и революция».

IV.

Воистину Вячеслав Иванов может сказать про себя словами Пушкина: «погиб и кормицк, и пловец—лишь я, таинственный пвец, на берег выброшен грозною». Как таинственный пвец Пушкина, он остался невредим в дни падений и отчаяния, когда «вихорь шумный» опрокинул наш утлый челн, на котором свободолюбцы мечтали доплыть до желанного маяка. Поэт остался невредим, цепен и врен себя, и будущий внимательный историк с изумлением засвидетельствует, что величайшие потрясения—государственное, общественное, моральное—нисколько не понудили поэта изменить свое мироотношение. Правда, если сравнить идею, высказанную Вяч. Ивановым в 1906 году, в те дни, когда он писал о «мистическом анархизме», с его мыслями, опубликованными теперь, в дни террора, мы заметим известную разницу—но лишь в интонациях, в ударе психологическом и, быть может, в напвности речи: сущность его упования остается неизменной.

Он по-прежнему приветствует дух истинной революции, усматривая в ней порыв к запредельному; утверждает вместе с темь, что противостоит уклонам в хаос непро-

свѣтленыхъ бунтарей, идею соборности; вѣрять неизмѣнно въ своеобразную историческую миссию славянства; не потерять надежды на возрожденіе великодержавной Россіи и даже—къ немалому соблазну черни—не сомнѣвается въ томъ, что Константинополь «рано или поздно» все же будетъ нашъ, какъ пророчествовалъ Достоевскій.

Нельзя не отмѣтить, что книга Вячеслава Иванова посвящена «вѣчной памяти Федора Михайловича Достоевскаго». Это посвященіе—не случайно. Въ существѣ своемъ концепція поэта-философа является послѣдовательнымъ и проникновеннымъ комментариемъ къ пламеннымъ и пророческимъ заявлениямъ Достоевскаго.

Въ сущности, книга Вячеслава Иванова—это апология того мирозерцанія, которое уже не вмѣщается въ кругъ славянофильскихъ идей собственно, но вмѣстѣ съ тѣмъ не порываетъ связи съ этой идейной традиціей. Поэта сближаетъ съ славянофилами его пониманіе идеи «Святой Руси», его чувствованіе Россіи, какъ живой и таинственной личности, но онъ, вмѣстѣ съ Достоевскимъ, храня свою тайную любовь, уже отказывается отъ славянофильской исключительности во-имя начала вселенскаго, всемірнаго.

И, пожалуй, только одна идея Вячеслава Иванова, на первый взглядъ противорѣчитъ мирозерцанію Достоевскаго. Это—идея оправданія революціи. Мы слишкомъ привыкли видѣть въ Достоевскомъ зоркаго изобличителя и грознаго обвинителя нашихъ бунтарей-коммунистовъ, и, при поверхностномъ отношеніи къ этой темѣ, мы естественно не дооцниваемъ тѣхъ идей величайшаго нашего прозорливца, который по существу революционны и во-истину являются идеями мистико-анархическими. Вячеславъ Ивановъ не только разгадалъ Достоевскаго-бунтаря, Достоевскаго-мятежника, но и всю свою теорію революціи построилъ на идеѣ «непріятнѣйшаго міра», то-есть на излюблѣннѣйшей идеѣ автора «Бѣсовъ» и «Карамазовыхъ».

Въ этомъ первостепенная заслуга мудраго поэта.

Революція, явленная нынѣ въ такой ужасной, а иногда позорной личинѣ, не понудила Вячеслава Иванова отказаться отъ признанія и въ ней вѣчной правды.

Поэтъ не отказался отъ увѣренности, что за мглю Вельзевула надо прозрѣть Христово лицо, надо почувствовать тотъ праведный порывъ къ истинѣ и свободѣ, который въ это смутное время «очищаетъ распутное племя».

Не весна ли въ подполья пахнула?
Не Судьи ль разомкнула труба
Замурованныхъ душъ погребя?

Но это признаніе революціи вовсе не исключаетъ рѣшительнаго отрицанія революціонной бѣсовщины, въ которую выролдилось праведное возстаніе противъ ветхаго порядка. Въ своей книгѣ Вячеславъ Ивановъ съ достаточной зоркостью слѣдитъ за шулеромъ-бѣсомъ, который на глазахъ простецовъ передергиваетъ карты. Игроки давно потеряли головы, а наглый банкометъ продолжаетъ брать ставки навѣрняка.

Вячеславъ Ивановъ обличаетъ шулера и провокатора, который приготовилъ свою революціонную колоду картъ въ берлинской «экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ».

Революція потеряла свой ритмъ, свою музыку. Началась дикая какофонія измѣны и предательства. Началась истерика. «Массы слѣпы, довѣрчивы, какъ дѣти, и легко могутъ быть доведены до отчаянія; истерикъ естественно обернуться жадною изнасилованія». Таковъ предостерегающій голосъ поэта.

V.

Если Вячеславъ Ивановъ остался вѣрнѣе тѣмъ началамъ «мистическаго анархизма», о которомъ онъ заявлялъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, то Александръ Блокъ остался по-прежнему вѣрнѣе своему мироотношенію, которое я не могу иначе опредѣлить, какъ «анархическій мистицизмъ».

«Ученические годы» и «годы странствій» ничего не измѣнили, повидимому, въ душѣ изысканнаго лирика по существу. Только этимъ безответственнымъ лиризмомъ приходится объяснять и оправдывать содержаніе и, такъ сказать, интонацію его статьи «Интеллигенція и революція». Какая это старая пѣсня! Какая монотонная въ своемъ барственомъ «со стороны!» Чуть ли не на каждой строчкѣ милый поэтъ склоняетъ слово «революція», чуть не въ каждомъ столбцѣ поетъ ей гимнъ. Но знаетъ ли онъ, что такое революція? Едва ли. За прекраснымъ и свѣтлымъ ангеломъ революціи всегда пѣтушкомъ бѣжитъ мелкій бѣсъ, кривляка и обезьяна. И если этотъ спутникъ революціи оттолкнетъ свѣтлаго духа и объявитъ себя вождемъ и руководителемъ, то прощай музыка, о которой мечтаетъ лирикъ.

А что если за этой бѣсовской какофоніей въ самомъ дѣлѣ издали звучитъ симфонія? Не ее ли услышалъ нашъ поэтъ? Быть можетъ, это даже не симфонія, а музыкальная драма? «Я знаю, что говорю». Да, эту музыку ведетъ великолѣпный оркестръ. И этотъ театръ я вижу и слышу, несмотря на глупенькую и похабную частушку, которую горланитъ сейчасъ пьяная чернь у меня надъ ухомъ. Я слышу сложнѣйшій контрапунктъ, превосходные речитативы и дерзновенныя фанфары. Только это вовсе не музыка революціи, какъ думаетъ Блокъ.

Это—Вагнеръ.

Я понимаю, что можно быть вагнерянцемъ, но зачѣмъ же путать правду съ неправдой и воинственныя патріотическія измышленія чернаго мага Германіи выдавать за нашу русскую пѣсню! Наша Русь умѣла пѣть дивныя пѣсни и —вѣрю—не разучилась ихъ пѣть.

Но если строгую красавицу опоили зельемъ негодяи, и она—пьяная—запѣла, надрываясь, гнусную и безстыдную частушку, я не стану обманывать ни себя, ни другого.

Революція—не идиллія. Это вѣрно. Но революція должна быть вѣрна самой себѣ. Въ эти дни революція себѣ измѣнила. И тотъ мерзостный кабацкій мотивъ, который звучитъ сейчасъ въ домѣ свиданій, названье коему «Бресть-Литовскъ», я не могу по совѣсти называть симфоніей революціи. Это клевета на революцію. И это прекрасно сознаютъ всѣ честные революціонеры и прежде всего ветераны революціи,—ну, а революціонные равенусы—тѣ, конечно, обдѣлываютъ свои дѣлишки. Имъ все равно. Имъ наплевать.

Александръ Блокъ—романтикъ и лирикъ. Богъ проститъ ему его заблужденіе. Но его безбожнымъ товарищамъ по «интернаціоналки» нѣтъ оправданія. Блокъ только безсознательно выразилъ сущность «анархическаго мистицизма», того мутнаго хаоса, который нынѣ торжествуетъ на обширнѣйшихъ равнинахъ обманутой Россіи.

Но говорятъ, что «красный призракъ коммунизма гуляетъ по всей Европѣ». Такъ ли это? Возможно, это такой призракъ въ самомъ дѣлѣ совершаетъ свою прогулку изъ Циммервальда въ Кіенталь и обратно. Возможно, что онъ время отъ времени появляется то на порогѣ *chambre des députés*, то еще гдѣ-нибудь. Но призракъ—увы!—только призракъ. Пусть его вызываютъ медумы Смольнаго и спириты «интернаціоналки». Но живая исторія и всемірная революція, слава Богу, не спиритическій сеансъ.

28 января 1918 г.

Георги Чулковъ.

· ЛЮБОВЬ КЪ ЗЕМЛѢ.

Статья Д. Аркина.

Быть можетъ, ни одна сторона свершающихся событий не вскрыла съ такой безошадной остротой подлиннаго облика русской революціи, ея обреченности, ея трагедіи, всего того, что сдѣлало изъ нея не великую радость освобожденія, а безобразную судорогу оцѣпенѣнія,—какъ область отношеній, именуемыхъ въ совокупности аграрнымъ вопросомъ. Здѣсь мы не намѣрены какимъ бы ни было образомъ затра-

гивать эту сложнѣйшую и опаснѣйшую проблему, роковое значеніе которой въ ходѣ событій—еще впереди, и которой, поистинѣ, суждено стать Немезидой революціи, возмездіемъ, уготовляемымъ ею себѣ самой,—но хотимъ лишь въ краткихъ словахъ намѣтить нѣкоторыя черты современнаго отношенія къ землѣ,—черты, можетъ быть, ярче всего другого оттѣняющія общій характеръ свершающагося.

Русское сознание не знает чувства болѣе глубокаго, болѣе сокровеннаго и роднаго, чѣмъ особое, именно въ нашей народной психикѣ выявившееся наиболѣе ярко,—*чувствование земли*, тайная и тѣснѣйшая связь всего существа народа съ темнымъ и безконечно-огромнымъ лономъ Великой Матери. Въ истории духовной культуры человѣчества одна только Греція эпохи Елевсинскихъ мистерій являла мистическія переживанія, подобныя русскому переживанію таинствъ земли, нашей сокровеннѣйшей вѣрѣ въ мать-землю сырую. Эта вѣра—самая существенная въ строеніи русской души, самая неотъемлемая, основная часть духовнаго лика Россіи, самая характерная черта ея культуры, ея религии, ея жизни. Только она, эта вѣра, одна никогда не угасала въ русскомъ народѣ, вѣчно оставаясь, скрыто или явно, главнымъ двигателемъ его историческихъ судебъ. Вѣра въ землю, чувствование земли—стволь русскаго сознания; все остальное—или сухой наростъ коры, или пышныя вѣтви, покрытыя зеленой листвою: но за тѣмъ и за другимъ скрывается пронизанная жилами жизни и напоенная жизненными соками сердцевина ствола,—и именно она есть основная, необходимая часть дерева, дающая начало всѣмъ его отвѣтвленіямъ. Такъ вѣра въ землю, переживаніе стихии земли—сердцевина нашего народнаго древа, начало русскаго творчества и русской національной культуры. Эта вѣра—неизбывна въ русскомъ сознаниі; отъ пѣсенъ древнихъ сказителей, отъ былинъ о Микулѣ и Вольгѣ, о волшебной сумочкѣ съ сырою землею, таящей въ себѣ величайшую силу этого міра,—до признанія самаго утонченнаго изъ поэтовъ XIX вѣка, Тютчева,—«Нѣтъ, моего къ тебѣ пристрастья я скрыть не въ силахъ, мать-земля»,—проходитъ черезъ все русское творчество это поклоненіе землѣ, религія земли, сыновнее почитаніе ея, какъ матери, и влюбленная тоска по ней, какъ по возлюбленной.

Это чувствование земли, эта мистическая въ нее вѣра, связаны съ самыми начальными образованіями націи, съ самыми скрытыми, въ темъ прошлаго уходящими корнями исторіи народа-хлѣбопашца, съ первоистоками его жизни. Вѣра эта «сквозитъ и тайно свѣтитъ» чрезъ всѣ наружныя покровы его историческаго бытія, неизмѣнно пребывая во всѣхъ явленіяхъ послѣдняго, какъ сокровенный двигатель народнаго воли.

Глубокій кризисъ, пережитый и переживаемый русскимъ сознаниемъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій былъ, прежде всего, обусловленъ отрѣшеніемъ отъ земли, утратой подлинной связи съ нею; всѣ призывы «возврата къ землѣ», которые въ это время раздавались (включая сюда и ученіе толстовства), были направлены къ слишкомъ недалекому глубинамъ, къ слишкомъ дешевымъ цѣлямъ, ибо были лишены подлинно-религіознаго чувствованія земли; въ нихъ не было настоящаго проникновенія стихіей земли, а была лишь поверхностная, бездухотворенная проповѣдь наилучшаго, т.е. наиудобнѣйшаго, способа жизни. Но утраченный, какъ и большая часть національныхъ достояній, интеллигентскимъ сознаниемъ, Эросъ Земли неизмѣнно, хотя и тайно, пребывалъ въ соборной душѣ націи. И какъ только міровыя судьбы понудили эту послѣднюю сказать свое слово, Эросъ тотъ выявился: мы разумѣемъ величайшее событіе нашей эпохи—войну съ Германіей.

Въ столкновеніи двухъ міровыхъ культуръ съ

небывалой остротой обнажился расщепъ въ европейскомъ человѣчествѣ, наличность въ послѣднемъ двухъ противоборствующихъ стихій. Съ самаго своего начала война осознана была какъ Россіей, такъ и двумя странами, которыя вмѣстѣ съ ней начали дѣло борьбы, не только какъ слѣдствіе опредѣленныхъ экономическихъ и политическихъ условій, но и какъ противленіе всей германской культурѣ, германизму. Религіозное сознание освятило дѣло войны какъ жертвенный подвигъ. Германія—съ одной стороны, и ея противники, Россія, Англія и Франція—съ другой, явили собою противоположность двухъ основныхъ линій культуры человѣчества. Война со страшною силою показала міру эту рознь,—и она же заставила тѣ три страны явственно ощутить свою духовную связь, свое духовное родство. На чемъ же основана эта связь, эта близость? На томъ же глубокомъ началѣ земли, носителями котораго, кромѣ Россіи, являются, въ противность Германіи, Англія и Франція; культуры Англіи и Франціи проникнуты (не такъ явно, какъ русская культура, но, быть можетъ, не менѣе глубоко) тѣмъ же сокровеннымъ чувствованіемъ земли, опредѣляющимъ направленіе всей духовной жизни этихъ странъ. Это чувствование начала земли, какъ основы жизни и ея первой, могущественнѣйшей силы, равно составляетъ интимнѣйшую часть души русскаго крестьянина, винодѣла Шампани и кардиффскаго углекопа, какъ проходитъ оно черезъ весь душевный строй наиболѣе типичныхъ представителей творчества каждой страны.

Въ замѣчательныхъ образахъ одинъ современный русскій поэтъ, самъ вышедшій изъ народа, опредѣлилъ сокровенную суть войны, какъ борьбу земли съ желѣзомъ: культура земли столкнулась съ желѣзной культурой германства. Ни одной націи, въ ея духовной организаціи, не чуждо такъ начало земли, какъ націи германской. Основное направленіе всей духовной культуры Германіи въ новѣйшее время,—германскій идеализмъ,—создавъ призрачный міръ отвлеченныхъ умственныхъ схемъ, не зналъ вовсе того мистическаго чувствованія земли, которое такъ характерно для русскаго религіознаго сознания; германская культура не ощущала сокровенной связи человѣка съ «Матерью-Землею», не знала великой радости земли, ея тайны, ея чаръ, ея могучей силы. О землѣ нѣмцы думали лишь какъ объ одномъ изъ членовъ общей хозяйственной системы,—и какъ на таковой направляли на нее свое творчество, которое выражалось въ изобрѣтеніи усовершенствованныхъ способовъ удобренія и пріемовъ интенсивной обработки; чувствовали ее лишь какъ объектъ экономики; трудились надъ нею,—но не знали, что можно ей молиться; обрабатывали ее, но не создали ея культуру,—и вовсе не умѣли ее любить... Потому-то германскій идеализмъ, лишенный животворнаго начала земли, при всей своей отвлеченности, такъ низко стелется *по землѣ*, никогда не проникая въ завѣтныя нѣдра жизни, въ завѣтныя нѣдра земли; и въ полной гармоніи съ германскимъ идеализмомъ оказывается германскій империализмъ, политика «кулака» и проч...

Вглядываясь въ сущность событій, нынѣ свершающихся въ Россіи, мы подмѣчаемъ, какъ главенствующую черту ихъ духовнаго облика,—поразительное *ослабленіе чувствованія земли въ русскомъ сознаниі*. Быть можетъ, ярче всего это ослабленіе сказывается въ ослабленіи энергіи противленія Гер-

мани, которое вдруг, съ такою страшною неожиданностью, обнаружилось въ нашей народной психологии... Несмотря на то, что слово «земля» принадлежит къ числу главнѣйшихъ лозунговъ и двигателей переворота, что оно повторяется теперь всюду и безпрестанно,—все происходящее является собой полное забвение идеала земли, измѣну ея животворному началу. Это начало есть, прежде всего, начало творчества; стихія земли есть стихія творчества по преимуществу. И какъ началу творчества противно всякое разрушение, такъ землѣ, творящей самую жизнь, ненавистно *разрушеніе жизни*, какими бы прекрасными словами оно ни прикрывалось; а это разрушеніе и есть главное содержаніе русской революціи.

Утративъ подлинное чувство земли, самую дорогую часть своей собственной души, и (что тѣснѣйшимъ образомъ связано съ этой утратой), утративъ волю къ противленію Германіи и, болѣе того,—волю къ защитѣ собственной родины,—русскій народъ, вмѣстѣ съ тѣмъ воспринялъ чисто-германское отношеніе къ землѣ, трактовку ея не какъ божественной стихіи жизни, а какъ бездушнаго объекта экономики. И это отношеніе къ землѣ, перенесенное въ нашу народную среду и получившее здѣсь нѣкоторыя новыя, специфически-русскія черты, и породило ту страшную картину, какую представляетъ собой теперешнее состояніе «аграрнаго вопроса» въ Россіи. Земельное насиліе, земельный захватъ—вогъ въ чемъ исключительно выражается современное отношеніе

къ землѣ. Гдѣ та *любовь къ землѣ*, которая такъ ярко проявилась во всей духовной исторіи Россіи, которая была тайнымъ, но, быть можетъ, самымъ сильнымъ двигателемъ русскаго сознанія въ дѣлѣ войны? Ея нѣтъ. Она подмѣнена любовью къ ... земельному участку. Землю, которую русскій народъ любилъ съ такою страстью, съ такою нѣжностью, съ такою тоской и вѣрой, онъ любитъ теперь любовью насильника, видящаго только тѣло, къ которому онъ вождельбеть, и болѣе не видящаго ничего. И земля насилуется, насилуется безъ конца, насилуется непрерывно. И чѣмъ далѣе идетъ это насиліе, тѣмъ болѣе вытравляется изъ сознанія народа, вытравляется изъ существа событій подлинное чувство земли, подлинная любовь къ ней... Но—горе измѣнившимся землѣ! Поруганная и изнасилованная, она молчитъ, но въ свершающемся слышится уже произносимое ею проклятіе...

Карамазовщина—вотъ имя теперешнему состоянію русскаго сознанія. Но и Дмитрій Карамазовъ зналъ минуты, когда завязывая въ подлости и пошлости душа его очищалась и преображалась. И это бывало тогда, когда въ его душѣ пробуждалось чувство живой связи всего его существа съ вѣчною стихіей земли.

Въ русскомъ сознаніи должна воскреснуть—любовь къ землѣ.

Д. Аркинъ.

СОВРЕМЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РОССІИ ВЪ СВЯЗИ СЪ БОЛЬШЕВИЗМОМЪ¹⁾.

Статья проф. Пав. Гензеля.

Въ нашей прессѣ современный большевизмъ нерѣдко рассматривается, какъ паносное или даже случайное явленіе: «массы трудящихся обмануты вождями большевистскихъ партій, но онѣ вскорѣ прозрѣютъ; большевизмъ вскорѣ изживетъ себя, и часъ возмездія близокъ»... Несмотря на распространенность этого взгляда, его слѣдуетъ признать слишкомъ поверхностнымъ: большевизмъ есть результатъ затяжной болѣзни всѣхъ органовъ нашего хозяйственнаго и политическаго строя, порожденіе безконечныхъ кризисовъ въ области продовольственнаго дѣла, транспорта, топлива и т. д. Экономическій материализмъ не есть всообъясняющее ученіе; тѣмъ не менѣе, торжество большевизма прежде всего объясняется разстройствомъ нашего народнаго хозяйства. Вѣрно и то, что наша послѣреволюціонная власть, на протяжении 8 мѣсяцевъ постоянно обновлявшаяся, обнаружила и значительную неспособность къ творчеству въ условіяхъ новаго строя, и во многихъ отношеніяхъ даже отсутствіе здраваго практическаго смысла.

Къ моменту первой, мартовской, революціи нынѣшняго года въ арміи чувствовались усталость отъ затяжной и трудной борьбы, разочарованіе въ ея цѣляхъ, неопредѣленность задачъ. Навивно думать, что армія разложилась просто подъ влияніемъ большевистской агитаціи, германскихъ агентовъ и т. п. Успѣхъ всякой агитаціи зависитъ отъ степени восприимчивости той среды, въ которой ведется агитація. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ большевистскіе лозунги были брошены въ давно созрѣвшія къ ихъ воспріятію солдатскія массы, усталыя и извѣрив-

шія въ скорый и благополучный исходъ войны... Агитація большевиковъ ускорила процессъ развала арміи, но не она въ конечномъ счетѣ вызвала этотъ процессъ. При тѣсной взаимозависимости отдѣльныхъ участковъ фронта достаточно, чтобы, примѣрно, одинъ изъ десяти участковъ утратилъ боеспособность, и тогда остальные девять участковъ теряютъ свою силу и значеніе. Симптоматиченъ уходъ въ послѣреволюціонное время нашихъ лучшихъ боевыхъ генераловъ; не условія «новаго режима» или трудность работы съ армейскими организациями вызвали этотъ уходъ, но осознанное вождями отсутствіе надлежащаго настроенія въ арміи, утрата знаменитой наполеоновской формулы: «Въ арміи—самое главное—духъ» своего прежняго содержанія. Гинденбургъ еще въ самомъ началѣ предсказывалъ, что «въ этой войнѣ побѣдитъ тотъ, кто сможетъ дольше выдержать, т.-е. у кого лучше нервы». Общая разруха въ тылу влияла самымъ губительнымъ образомъ на настроеніе арміи на фронтѣ. Каждое новое пополненіе изъ тыла вносило разложеніе въ сѣрую массу въ окопахъ. Въ арміи это былъ не столько большевизмъ, съ его крайними социалистическими лозунгами, сколько признаніе формулы: «миръ во что бы то ни стало», а тѣмъ болѣе признаніе циммервальдской формулы: «миръ безъ аннексіи и контрибуцій». Если армія далеко не цѣликомъ и далеко не вездѣ пошла за этимъ лозунгомъ, то только потому, что она далеко не вся вѣрила въ его осуществимость по столь простому рецепту...

Однако при подобномъ настроеніи и при совершенно очевидномъ (объ этомъ будетъ сказано далѣе) экономическомъ разложеніи тыла руководители нашей государственной политики должны были бы уже съ весны совершенно опредѣленно и ясно указать нашимъ союзникамъ на фактъ безнадежнаго состоянія русской арміи, т.-е. на то именно, о чемъ свидѣтельствовали Гучковъ и всѣ наши боевые генералы... Между тѣмъ, судя по англійскимъ и французскимъ газетамъ до самаго послѣдняго

¹⁾ Настоящая статья представляетъ собою краткую передачу лекціи, прочитанной мною въ ноябрѣ 1917 г. моимъ слушателямъ въ московскомъ университетѣ и коммерческомъ институтѣ, какъ ее удалось записать одному изъ моихъ учениковъ Н. Н. Любимову, которому я приношу искреннюю благодарность.

времени, наши союзники не теряли надежды на «возрождение» русской армии (см. напр. «Таймс» от 3 октября 1917 г. н. с.).

Если, следовательно, большевизм в армии привлечет сочувствие главным образом своим призывом к скорейшему миру в то что бы ни стало, то в тылу, внутри страны, большевизм, с его безграничными требованиями, является прямым следствием ужасающей разрухи в экономической и финансовой жизни страны. Все страшные неурядицы в области продовольствия, транспорта, топлива, денежном обращении и в промышленности вообще накопили ту опасную накипь, которая рано или поздно приводит к взрыву... В промышленных центрах большевизм нашел, конечно, особенно благоприятную почву, ибо в них тяжелые последствия войны и общей экономической разрухи должны были сказаться в удвоенной степени... Крайне неудачная во всех областях политика революционного правительства только в еще большей степени ухудшила положение народного хозяйства. Разсмотрим главнейшие стороны нашей экономической жизни.

а) *Продовольственный вопрос.* Он заключается вовсе не в недостатке в стране хлеба и других продуктов сельского хозяйства. Недород 1917 г. еще нельзя включать в число факторов, обусловивших переживаемое в настоящее время полуголодное состояние северных губерний, обильных столиц и т. д. или вызвавших ныне голод даже в рядах армии. Если, в общем и целом, следует констатировать в России *избыток хлеба* над нормой народного потребления, то, очевидно, продовольственный кризис вызван какими-то недостатками в самой организации снабжения армии и тыла. В первую очередь продовольственная разруха должна быть вменена в вину аполгоетам системы твердых цен и казенной хлебной монополии. Не говоря уже о хлебной монополии, которая есть миф и никогда не могла рассчитывать у нас на техническое осуществление, самая система твердых цен, заимствованная нашими чуждыми практической жизни петербургскими законодателями из Германии, должна была потерпеть у нас еще безконечно большую неудачу, чем она несомненно потерпела даже в Германии. Германия в довоенные годы сама производила около 16 пудов хлебных продуктов на жителя (пшеницы 236 м. пуд., ячменя 177 м. п., ржи 641 м. п., итого 1054 м. пуд. при 65 милл. жителей за 1910 г.), то-есть превышала среднюю русскую норму потребления. Кроме того Германия ввозила 247 м. пуд. тех же хлебных продуктов, т. е. около 4 пуд. на жителя. Для сравнения укажу, что Франция производит всего лишь 14 пудов на жителя (563 милл. пуд. при 40 милл. жителей за тот же 1910 г.), ввозя к себе иностранного хлеба лишь ничтожные количества (15 милл. пуд.).

Принимая во внимание, что Германия имела возможность использовать для сельскохозяйственных работ огромное число военнопленных (свыше 2 милл. и при этом преимущественно из земледельческих народностей), ввела обязательную трудовую повинность во вид сельскохозяйственных работ для всего взрослого (невоенного) населения, приобрела громадные количества хлеба в Румынии за счет небывалого урожая 1915 г. в Румынии (см. отчет от 25/III—1916 г. Румынского Национального банка), что закупленный Англией в Румынии значительный запас хлеба также попал в германские руки, что с самого начала войны в Германии было проведено значительное сокращение потребления, что в стране существовал налаженный старый механизм хлебной торговли, — во всем числе прекрасно организованные кооперативы производителей хлеба и т. д., — приходится недоумевать, каким образом продовольственное дело в Германии могло оказаться в столь тяжелом положении, как это имело место в настоящее время. В этом повинна неправильная *продовольственная политика* германского правительства, главным образом политика максимальных твердых цен. Та же неудача постигла и Францию, которая также придерживалась системы твердых цен (см. «Вестник Финансов» 1917 г. № 41). Тем более зло, присущее этой системе, должно было обнаружиться в России, и крайне тяжелое положение продовольственного дела на нашем севере и в городах — факт общезвестный. Правда, Петроград и Москва не умрут с голоду, ибо этого никто не допустить, но не допустить по соображениям политическим (!): история государственных переворотов показывает, что последние делаются в больших городах, население которых представляет наиболее горячий в революционном отношении материал. Вот почему всякая власть любой политической окраски приложить все усилия, чтобы накормить население столиц: *это* оно слабее реагирует на изменения в политической жизни.

Между тем на нашей продовольственной политике, не говоря уже о ложности самого ее основания (твердые цены,

всеобщая таксация¹⁾, отражались еще сильнее пертурбации в политической жизни: в августе 1917 г. правительство удвояет твердые цены на хлеб (напр., мионическую цену на пуд пшеницы в 3 р. 04 к. до 6 с лишним рублей... и т. д.); это удвоение делается на другой день Корниловского восстания в целях снискания расположения крестьянских масс и облегчения закупок опять же по «твердым ценам»... Сопоставьте рядом с этим английскую продовольственную политику: в Англии существуют в отличие от континента не максимальные, а *минимальные* твердые цены; правительство гарантирует, что в продолжение ближайших 6 лет оно будет уплачивать производителю *не ниже* определенной цены, именно приблизительно 9 р. 50 к. за пуд по современному курсу. Так у английского производителя создается стимул к расширению производства, он (производитель) застрахован от возможных в будущем потерь. В Англии нет того тяжелого продовольственного кризиса, в котором оказались Франция, Германия, Россия, — т. е. страны с максимальными твердыми ценами на хлеб. Что последняя у нас — не более, чем упражнение петербургских теоретиков, и с жизнью ничего общего не имеют, вытекает из ежедневных котировок в крупнейших приволжских хлебных центрах (см. «Торг. Пром. Газету»): нормальными ценами по сделкам на хлеб в зерне и муке в Васильсурск, Козьмодемьянск, Ровно и т. д. 21—24 октября текущего года были цены от 20—30 рублей за пуд. При чем же здесь как основные, так и удвоенные твердые цены? Рядом с этим мы замечаем огромное понижение количества хлебных грузов в 1917 г. в сравнении с 1916 г.: так, крупнейший распределительный центр на Волге — Рыбинск доставил в 1916 г. — 62.000.000 пудов, а в 1917 г. — только 18.000.000 пудов. В конечном счете армия и население крупных городов голодают; причины: система твердых цен, хлебная монополия, всеобщая таксация. Неудивительно, если крик: «Хлеб» — становится лозунгом обихих революций 1917 г.

б) Неумелое руководство продовольственным ведомством отнюдь не компенсировалось в то же время творческими замыслами Министерства Финансов. Состояние хаоса и смещения, в которое были приведены русские финансы, в значительной степени вызваны внесением политиканства в вопросы обложения и кредита. Страна ввержена в пучину бумажной валюты отчасти и потому, что печатный станок был призван выполнять «слабости» в области налоговой и займовой политики.

Подъ совокупным влиянием этих и иных факторов растет дороговизна. И вот 1917 год дает нам картину, какую некогда под влиянием злоупотребления в выпуске бумажных денег пережила в 1795 году Франция²⁾: «ежедневные записи парижской полиции безстрастно свидетельствуют нам о безрезультатном стоянии тысяч людей в очередях перед лавками, о болельниках, распространявшихся вследствие дурного качества покупаемых за обезцененные деньги продуктов, о слезах матерей, заявлявших, что предпочитают быть убитыми, лишь бы не видеть смерти своих детей от голода; но на ряду и в связи с этим эти записи содержат и частые отрывки о политических волнениях, возникавших большею частью при стоянии людей в «хвостах»: 10 апреля 1795 г., во время войны за свободу, толпа женщин кричала: «Долой оружие, мы не хотим солдат, когда нет хлеба». Другие заявляли, что нужно восстановить короля (13 мая 1795 г.); третьи устраивали манифестации с криками: «Къ чорту республику»... (13 ноября 1795 г.). — Все это картины наших дней, что и подумает непредупрежденный о дате событий читатель.

В немногих словах коснемся некоторых налоговых новелл послереволюционной власти. Подходный налог, несмотря на грандиозное увеличение его ставок по постановлению Временного Правительства от 12 июня с. г., при ианвышем фискальном результате дал бы возможность протянуть войну еще лишние двѣ или три недѣли; налог вводили, не считаясь с отсутствием налаженного аппарата взимания: вѣд и понышѣ не разосланы податные списки, которые по закону надлежало разослать къ 1 сентября, но это — мелочь в сравнении с утайками, которые будут в декларациях чрезвычайно тяжелого для плательщиков налога. Налог на военную прибыль (т. е. на разницу между прибылью нынѣшняго и прежних лет), достигающий в его наивысших степенях 80% этой прибыли, помимо прочих условий, просто устранил у

¹⁾ См. мою статью в «Народоправствѣ» № 9 и 10 за 1917 г.

²⁾ См. проф. Н. Д. Силинъ, Обезценение денег, Пгр. 1917 г., стр. 26.

промышленников стимуль к дальнѣйшему расширенію производства. Кто же станетъ расширять производство, заранѣе зная, что налогъ на военную прибыль призванъ к конфискаціи этой прибыли почти «въ чистую»? Кто при этихъ условіяхъ будетъ стремиться к увеличенію добычи угля, желѣза, золота, сахара и т. д., когда «излишки» почти цѣликомъ будутъ поглощены налогомъ на «военную» прибыль? А министр труда еще предлагалъ довести ставки этого налога до 100% и даже дозвѣсать и за прежніе годы. Творчествомъ финансового вѣдомства досель не введенъ рациональный наследственный налогъ, могущій при проведеніи принципа обложенія наследственной массы дать до 150 милліоновъ рублей въ годъ (сумма, достаточная для заключенія почти трехмилліарднаго займа): въ совершенно законченномъ видѣ проектъ наследственного налога переходилъ изъ одной комиссіи въ другую (старые бюрократическіе приемы) съ тѣмъ, чтобы завершить кругъ своей жизни въ предпарламентѣ и не получить осуществленія до сего дня. — Косвенное обложеніе совершенно не развивается, а между тѣмъ слѣдуетъ помнить, что финансовый крахъ Франціи 1793 г. въ значительной степени былъ подготовленъ огульной отмѣной всѣхъ акцизовъ національнымъ собраніемъ 1792 г. — У насъ вмѣсто акцизовъ была провозглашена система казенныхъ торговыхъ монополій на томъ ложномъ основаніи, что послѣдняя «не такъ замѣтна» для народа. Опуская здѣсь то, что равноудельный акцизъ безъ болѣе обременительныхъ для плательщика послѣдствій дастъ казнѣ то же, что и монополія, что стремленіе конфисковать торговые прибыли путемъ монополій въ отрасляхъ промышленности, гдѣ монополія давно существуетъ на дѣлѣ (напр., сахарная промышленность), — не можетъ дать осязательныхъ результатовъ или явно неосуществимо практически въ военное время, констатируемъ просто, что до ноября 1917 г. ни одинъ акцизъ не былъ замѣненъ монополіей. Нынѣ формально введена сахарная монополія, но можетъ ли она функционировать сколько-нибудь сносно?!. «Центросахаръ», осуществившій сахарную монополію, на дѣлѣ уже давно не въ состояніи взыскивать платежи съ контрагентовъ, сахарные заводы лишаются банковаго кредита, «новая» монополія запоздала и не нужна. А между тѣмъ я, лично, какъ городской житель платилъ до войны въ казну ежегодно около 5 золотыхъ рублей сахарнаго акциза, а нынѣ, въ виду существующаго ограниченія потребления, уплачиваю такого только 1 р. 27 коп. въ годъ, да и то въ обезцѣненной валютѣ. Развѣ можетъ здравая финансовая политика понижать податное бремя въ столь невѣроятной степени въ эпоху безпримѣрнаго напряженія финансовъ страны? Если ужъ косвенное обложеніе носить на себѣ Каинovu печать буржуазной налоговой политики, то надлежало, по крайней мѣрѣ, довести акцизы на предметы потребления до ихъ прежней, довоенной высоты. Другими словами, вмѣсто «незамѣтныхъ» (?) для плательщика сахарной и др. проектируемыхъ монополій слѣдовало давнымъ давно просто повысить существовавшій сахарный акцизъ въ 4 раза и т. п. А наши финансовые политики наперебой кричали: «Только прямое обложеніе и монополія»... Естественно, что при такой финансовой политикѣ единственнымъ серьезнымъ ресурсомъ казны оставался печатный станокъ. И вотъ мы переваливаемъ черезъ двадцатый милліардъ рублей, выпущенныхъ въ народное обращеніе въ видѣ бумажныхъ денегъ. Дороговизна жизни влекла за собою постоянное паденіе реальной заработной платы, т.-е. накопленіе недовольства въ рабочей средѣ: отсюда постоянное увеличеніе требованій рабочихъ и безконечный рядъ стачекъ, столкновений съ предпринимателями. Въ то же время руководители рабочей партіи, по невѣдѣнію или по другимъ причинамъ, не постарались разъяснить трудящимся массамъ значеніе принципа свободы стачекъ въ демократическомъ государствѣ. Въ послѣднемъ мыслима лишь стачка *всего* рабочаго класса, какъ цѣлага; стачки же «по предпріятіямъ» или даже по отдѣльнымъ отраслямъ промышленности допустимы въ демократическомъ государствѣ лишь въ томъ случаѣ, если онѣ происходятъ съ одобренія рабочихъ всѣхъ остальныхъ отраслей, т.-е. по проверкѣ основательности требованій и съ предоставленіемъ субсидій изъ общаго стачечнаго фонда. Разрозненные же стачки, особенно въ общественно необходимыхъ производствахъ, неизбежно самымъ гибельнымъ образомъ отражаются прежде всего на интересахъ рабочаго класса *въ цѣломъ*, ведутъ къ анархіи въ производствѣ и губятъ въ конечномъ счетѣ всю промышленность. Поскольку наша промышленность работала на оборону, — а въ этомъ положеніи находился подавляющій процентъ ея, удовлетворялись почти любыя требованія вплоть до выплаты «прибавки по рублю въ день не только за 1917 г., но и за весь прошлый 1916 годъ». Угроза же стачками въ такихъ отрасляхъ, какъ желѣзнодорожное дѣло, трамваи, булочная, добыча ископаемыхъ и т. п. приводила къ необходимости въ періодъ войны удовлетворять требованія рабочихъ въ несоизмѣрномъ объемѣ,

т.-е. въ результатѣ это влекло за собою удорожаніе продуктовъ и сокращало реальную заработную плату въ другихъ отрасляхъ, особенно, когда производительность труда, хотя и оплачивавшагося по повышенной расцѣнкѣ, сильно падала. А возвышались у насъ кто-нибудь голоса по поводу того, что этотъ хаосъ стачекъ и хаосъ требованій не встрѣчалъ и не могъ встрѣтить серьезнаго отпора только по военнымъ соображеніямъ и вслѣдствіе полной изолированности нашего государства отъ всякой заграничной конкуренціи, а между тѣмъ послѣ войны такое положеніе вещей грозитъ ужасающей катастрофой? Но въдѣ у насъ всѣ увлекались демагогизмомъ... Что же здѣсь неожиданнаго, если Министерство Труда постоянно требовало у насъ увеличенія заработной платы, а Министерство Финансовъ въ соответствии съ этимъ нажимало на экспедицію заготовленія государственныхъ бумагъ. Въ вопросѣ о колоссальныхъ военныхъ сверхбарышахъ капиталистовъ опять-таки по недоумѣнію или сознательно закрывали глаза на то, что *промышленныя* прибыли были нормированы путемъ таксаціи рѣшительно всѣхъ продуктовъ предпріятій, работавшихъ на оборону, и что главные барыши получались въ посредническомъ, спекулятивномъ оборотѣ¹⁾. При этомъ работа на оборону составляла отъ 80 до 100% производства главнѣйшихъ отраслей промышленности (отъ металлургической до суконной включительно). Введеніе 8 часового рабочаго дня не сопровождалось, къ сожалѣнію, соответственнымъ переходомъ къ сдѣльной оплатѣ труда или къ сохраненію его тамъ, гдѣ онъ былъ и ранѣе, что отразилось сильнымъ паденіемъ производительности послѣдняго. Достаточно указать, напримѣръ, на типографскій трудъ: если прежде нормальнымъ трудомъ наборщика являлся наборъ 7.000 буквъ въ день (нерѣдко даже 9.000 буквъ), то нынѣ при 8 часовомъ рабочемъ днѣ наборъ колеблется между 3½—4.000 буквъ. Паденіе производительности труда почти вдвое. Въ результатѣ рано или поздно долженъ наступить ужасающій кризисъ для рабочихъ этой отрасли, ибо страшное вздорожаніе печатанія немедленно влечетъ за собою необычайное сокращеніе спроса на печатныя произведенія, т.-е. спроса на то, потребленіе чего народъ легко можетъ сократить. То же будетъ и съ другими производствами, которыя питали войну и ею поддерживались искусственно въ громадныхъ размѣрахъ, поскольку потребность самого населенія въ извѣстномъ продуктѣ сможетъ сократиться. Естественно, что обусловливавшие это паденіе короткій рабочий день въ связи съ поденной его оплатой и стачками по отдѣльнымъ предпріятіямъ приводили къ непрерывному росту дороговизны, а вслѣдствіе этого къ сильному озлобленію рабочихъ. Если на потребности тыла оставалось въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности отъ 0—20% производства, то, благодаря паденію производительности труда, тотъ же остатокъ отъ 0—20% фактически означаетъ почти полное безтоварье, такъ какъ вся сумма произведенныхъ благъ шла уже исключительно на армию.

в) *Транспортъ*. Текущій годъ принесъ съ собою рѣзкое ухудшеніе и въ области транспорта. Здѣсь прежде всего необходимо провергнуть одну очень распространенную, но ошибочную точку зрѣнія, что желѣзнодорожная разруха въ теченіе войны явилась чуть ли не альфой и омегой всѣхъ постигшихъ страну золъ. Полезная работа нашихъ желѣзныхъ дорогъ за время войны огромна, и, если еще въ 1915 г. желѣзныя дороги перевезли 11.743 милл. пудовъ всякихъ грузовъ, то въ 1916 г. онѣ перевезли 13.693 милл. пудовъ²⁾; грандіозное увеличеніе почти на 2 милліарда пудовъ. Число платныхъ пассажировъ увеличилось на 40 милліоновъ въ томъ же 1916 г. противъ 1915 г.: въ то время, какъ въ 1915 г. перевезено 188 милліоновъ платныхъ пассажировъ, въ 1916 г. — 228 милліоновъ. Также и водный транспортъ далъ нѣкоторое увеличеніе въ 1916 г. противъ 1915 г.

1917 годъ надломилъ силы транспорта, и уже январь далъ рѣзкое уменьшеніе въ работѣ желѣзныхъ дорогъ: такъ, въ январѣ 1916 г. перевезено 2.476 милл. пудовъ грузовъ, а въ январѣ 1917 г. перевезено только 1.864 милл. пудовъ (безъ Юго-Восточныхъ и Томской жел. дор.); уменьшеніе на 612 милліоновъ пудовъ.

Громадная на протяжении войны полезная работа желѣзныхъ дорогъ привела къ страшному изнашиванію подвижнаго состава, но послѣдній возобновлялся далеко не въ соответствіи

¹⁾ Нельзя, конечно, упускать также изъ виду, что капиталъ многихъ сильно разбогатѣвшихъ лицъ увеличился чисто номинально, ибо валюта, которой оцѣнивается ихъ имущество, упала въ цѣнности по меньшей мѣрѣ въ пять разъ.

²⁾ Безъ Томской и Юго-Восточныхъ жел. дор. Со включеніемъ послѣднихъ за 11 мѣсяцевъ (январь—ноябрь) 1915 г. російскія желѣзныя дороги перевезли 12.359 милл. пуд., а за тѣ же мѣсяцы 1916 г. — 14.609 милл. пуд., т.-е. почти на 2½ милл. пудовъ больше.

с его изнашиваемостью. Закон о принудительном переводе огромной категории жел.-дор. грузов на воду первоначально дал некоторые результаты: в июль 1917 г. на воду перешло 6.000 вагонов (30% соотвѣт. грузов), в июль 8.400 вагонов (40%), продовольственных грузов; однако, впоследствии этот перевал грузов потерпел известную неудачу: царинские рабочие-грузчики потребовали неслыханную в истории плату в размерѣ 30 коп. съ пуда грузов; присоединяя къ этому 2 часа перерыва на объѣд, излишней простой вагоновъ въ ожидании разгрузки, изгнание работавшихъ въ Царицынѣ персовъ,—нельзя удивляться тому, что и водная перевозка грузовъ не могла ослабить дальнѣйшаго разстройства жел.-дор. движения. Въ сравненіи съ 1916 г. общий недогрузъ за первые 7½ мѣсяцевъ 1917 г. составилъ приблизительно 1,2 миллиарда пудовъ. Несмотря на то, что въ 1917 г. у насъ было на 1.070 паровозовъ больше, фактически въ движеніи находилось почти на 900 паровозовъ меньше, именно, всего 18.744 паровоза. Въ январѣ 1917 года процентъ неисправныхъ паровозовъ былъ—16,5%, на 1 июля 1917 г.—24,2%, въ началѣ августа было больныхъ паровозовъ 25,3% всего числа ихъ (5200), а въ ноябрѣ вѣроятно около 40%, вслѣдствіе совершенно недостаточнаго ремонта. На 1 июля 1917 г. числилось 574.486 вагоновъ (на 62.731 вагонъ больше прошлаго года), но неисправныхъ было изъ нихъ 45.886, т.-е. 8% (противъ 24.326 или 4,7% въ прошломъ году), а къ началу августа неисправныхъ вагоновъ было уже 51.076. Въ виду крайней нужды въ опытныхъ рабочихъ по ремонту жел.-дор. подвижнаго состава былъ разрѣшенъ отпускъ съ фронта 15.000 соотвѣтствующихъ рабочихъ, но изъ нихъ было только 7.000 дѣйствительно пригодныхъ къ жел.-дор. ремонту. Къ довершенію зла, по отзыву съѣзда начальниковъ и управляющихъ дорогъ, около 6.000 рабочихъ отвлечено выборами въ рабочіе комитеты. Въ результатѣ «паровозная чума» или «паровозный прогрессивный параличъ» постоянно увеличивается, ибо, при 8 часовомъ рабочемъ днѣ и при отсутствіи сдѣльной платы, рабочихъ для ремонта не хватаетъ и хватать въ настоящее время не можетъ. Кроме того, теперь чувствуется сильный недостатокъ металла и запасныхъ частей. Ко всему этому прибавилась анархія въ перевозкахъ, угрозы, насилія и безчинства, о которыхъ мы ежедневно читаемъ въ газетахъ, а между тѣмъ у насъ каждый паровозъ и вагонъ на учетѣ. По даннымъ московскаго порайоннаго комитета среднее суточное число погруженныхъ вагоновъ въ маѣ 1916 г. было 41.000, а теперь только 25.000, несмотря на общее увеличеніе подвижнаго состава. Средній пробѣгъ паровоза въ 1916 году былъ 120 верстъ, а теперь (въ октябрѣ 1917 г.)—92; средній пробѣгъ вагона 69 верстъ, а теперь 50. Запасы топлива на желѣзныхъ дорогахъ въ «голодномъ» по этой части 1916 году были приблизительно на 1 мѣсяць, а теперь отъ 2 дней до 2 недѣль, не говоря уже о томъ, что желѣзныя дороги у насъ питаются въ ужасающихъ размѣрахъ «реквизиционнымъ мусоромъ» (негоднымъ углемъ, добываемымъ непрерывными реквизициями), который губитъ паровозы.

Несомнѣнно, въ общей разрухѣ желѣзнодорожнаго аппарата сказывается и сильное утомленіе всего состава желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ, недостаточность питания и т. д., но это только усугубляетъ катастрофу. Созданный на этой почвѣ тупикъ является мощнымъ элементомъ въ общей разрухѣ, т.-е. въ конечномъ счетѣ въ страшномъ ростѣ общаго недовольства, а слѣдовательно въ ростѣ «большевизма»...

г) **Топливо.** Въ Донецкомъ бассейнѣ (около 93% общей добычи) за 9 мѣсяцевъ 1916 г. (январь—сентябрь) добыто 1.273 милл. пудовъ минеральнаго топлива, а въ 1917 г.—1.164 милл. пудовъ; уменьшеніе на 109 милл. пудовъ. Въ то же время число рабочихъ на каменноугольныхъ и антрацитовыхъ копяхъ значительно увеличилось: на 1 сентября 1916 г. рабочихъ насчитывалось 236.975, а на 1-е сентября 1917 г.—269.000 человекъ (на 1-е октября 1916 г.—252.723, а на 1 октября 1917 г.—270.000); въ томъ числѣ подземныхъ рабочихъ увеличилось на 22.000 чел., а работающихъ на поверхности земли уменьшилось на 4.000 чел. Уменьшился и вывозъ изъ Донецкаго бассейна по желѣзнымъ дорогамъ: за 8 мѣсяцевъ 1916 г. было вывезено 400 милл. пудовъ для желѣзныхъ дорогъ, 207 милл. пудовъ для металлургическихъ заводовъ, итого 607 милл. пудовъ, а за 8 мѣсяцевъ 1917 г.—381 милл. пудовъ для желѣзныхъ дорогъ, 182 милл. пудовъ для металлургическихъ заводовъ, итого 563 милл. пудовъ. За 15 дней сентября 1916 г. было погружено 57,6 милл. пудовъ, а въ 1917 г.—38,3 милл. пудовъ. Производительность труда одного рабочаго въ угольныхъ и антрацитовыхъ копяхъ была 708,5 пуд. въ августѣ 1915 г., 566 пуд. въ августѣ 1916 г. и 410 пуд. въ августѣ 1917 г. ¹⁾

¹⁾ «Промышленность и Торговля» № 266.

Болѣе благоприятно сложились производство и вывозъ угля въ подмосковномъ угольномъ районѣ, правда въ связи съ огромнымъ увеличеніемъ числа рабочихъ съ 6.950 человекъ въ августѣ 1916 г. до 10.483 человекъ въ августѣ 1917 г. Въ тѣ же мѣсяца 1916 и 1917 гг. производство района составило 3042 тыс. пудовъ и 4018 тыс. пудовъ, а вывозъ отсюда составилъ 2.514 тыс. пудовъ и 3.195 тыс. пуд. (юль 1916 г.—2.174 тыс. пуд., юль 1917 г.—3.235 тыс. пудовъ).

Дровяное дѣло сложилось у насъ нѣсколько болѣе благополучно, и причину этого слѣдуетъ искать единственно лишь въ томъ, что правительство не создавало здѣсь обычныхъ ограничений и регламентацій, какія испытала другія отрасли промышленности, предоставивъ ее дѣятельности частнаго капитала и одновременно сильнѣйшимъ образомъ увеличивъ собственную разработку. Въ результатѣ мы видимъ сильное увеличеніе не только производства дровъ, но и вывоза ихъ по 6 районамъ Европейской Россіи (въ тыс. куб. саж.).

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Казенные лѣса дали	2.156	2.303	2.300	2.990
Частновладельческіе		3.086	2.930	3.104

Это—цифры вывоза, производство же дровъ и имѣющиеся остатки были неизмѣримо выше ¹⁾. Сильнѣйшій ударъ дровяному дѣлу нанесенъ въ наши дни вмѣшательствомъ крестьянъ, запрещающихъ вывозъ нарубленнаго и напиленаго лѣса.

Состояніе **нефтяной** промышленности слѣдуетъ признать не менѣе грознымъ: за 9 мѣсяцевъ (по сентябрь) 1917 г. добыто нефти 204 милл. пуд., противъ 252 милл. пуд. за тѣ же мѣсяцы 1916 г., 262 милл. п. за 1915 г. и 289 милл. пуд. за 1913 г.

Показательны слѣдующія данныя о расходѣ и запасахъ топлива на 45 крупныхъ фабрикахъ Московскаго района: расходъ топлива всѣхъ видовъ при переводѣ всего на каменный уголь составилъ за первые семь мѣсяцевъ 1916 года 33.912 тыс. пудовъ, а за тотъ же періодъ 1917 г.—30.514 тыс. пудовъ. Запасы топлива на тѣхъ же 45 предприятияхъ составляли на первое августа 1916 г.—17.114 тыс. пуд., а на 1 августа 1917 г. только 8.421 тыс. пуд. («Торг. Пром. Изв.» № 12 за 1917 г.).

д) Обратимся къ разсмотрѣнію **желѣзной промышленности** юга Россіи, какъ важнѣйшей отрасли народнаго хозяйства (въ тыс. пуд.).

За 1-е 7 мѣс. 1916 г. (по 1-е августа).					
Произведено:			Вывезено:		
Чугуна.	Полупродукт.	Прокат. изд.	Всего.	Прокат. изд.	Число рабоч.
98.693	92.230	75.463	102.674	67.194	109.717

За 1-е 7 мѣс. 1917 г.					
Произведено:			Вывезено:		
Чугуна.	Полупродукт.	Прокат. изд.	Всего.	Прокат. изд.	Число рабоч.
81.602	71.928	61.121	80.629	51.975	127.260
-17.091	-20.302	-14.342	-20.045	-15.219	+17.543

Произведено въ Россіи (безъ Царства Польскаго) за 12 мѣсяцевъ ²⁾:

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
чугуна (выплав.)	257 м. п.	249 м. п.	225 м. п.	232 м. п.
литой болванки	264 » »	272 » »	251 » »	261 » »
прокат. издѣлій	219 » »	223 » »	199 » »	206 » »

Все это свидѣтельствуетъ объ ужасающемъ паденіи производства въ основной отрасли промышленной жизни страны, что рано или поздно можетъ сорвать всю промышленность, т.-е. подорвать благосостояніе Россіи и сильно задѣть рабочій классъ. Надвигается безработица, въ управленіи промышленными предприятиями царитъ анархія. Требования объ увеличеніи заработной платы постоянно растутъ; ея повышеніе неизбежно,—иначе просто трудно существовать,—но въ то же время оно совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительной производительности труда. Нѣтъ ни одного предприятия, гдѣ бы не было остраго конфликта между рабочими и предпринимателями вплоть до насилія надъ личностью. Борьба съ безконечными стачками, перѣдко съ эксцессами, даже самосудомъ, есть прямой источникъ возникновенія крайнихъ непримиримыхъ и ультра-большевистскихъ теченій въ рабочей средѣ.

¹⁾ Подробнѣе см. «Вѣстникъ Финансовъ» № 41 за 1917 г.

²⁾ См. обстоятельный обзоръ современнаго положенія желѣзнаго рынка въ «Промышленности и Торговлѣ» 1917 г. № 268.

Таким образом, экономическая разруха и, как результат ее, накопление крайнего озлобления рабочего класса были вызваны следующим рядом причин: а) Естественным последствием столь изнурительной войны является растрата миллиардов народного богатства, которое уничтожается в процессе войны и не воспроизводится в вещных результатах. Важно, именно, то, что в течение целых трех лет вся промышленность работала почти исключительно на оборону, т.-е. создавалось богатство в виде железа, угля, рельсов, нефти, шерсти, мануфактуры, химических продуктов, вагонов, паровозов и т. д., и все это беспощадно уничтожалось. Народ усиленно работал и столь же быстро беднел. В довершение зла очень значительная часть всего расхода была оплачена не из народного дохода или сбережений, а печатанием бумажных денег. На царское правительство ложится значительная доля ответственности в этом отношении, но главная роль в ужасающем финансовом безобразии принадлежит управлению финансами революционного правительства...

б) Другая причина разрухи: необычайное падение производительности труда. Как бы страшны ни были расходы на войну и как бы велика ни была растрата реального богатства в виде военных издержек,—все это можно было бы парализовать увеличением производительности труда. В то время, как на западе французский, английский, германский рабочий класс отказался от осуществления в условиях труднейшей войны 8 часового рабочего дня, у нас в эпоху исключительного безтоварья в стране проводится в жизнь безусловный отказ от сдельной работы вместе с переходом к 8 часовому труду и без соответствующего повышения производительности труда, что создает в последнем счете источник жесточайшей промышленной разрухи.

в) Третьей причиной, приведшей нас к кризису, была доведенная до абсурда система вмешательства государства в промышленную деятельность страны, и прежде всего, стремление перевести все предприятия к работам «только на оборону», а также нормировать все цены (пожалуй лишь шелковая промышленность избежала такой нормировки, но именно эта отрасль промышленности единственно только и может похвалиться благополучным состоянием; правда, она скоро будет приостановлена, но уже по прямому распоряжению правительства в целях экономии топлива). Жесткая система «твердых цен» на все продукты производства, сопряженная с постоянной опекой над промышленностью, была заранее обречена на неуспех. В широком объеме эта система просто неосуществима, и, если мы обратимся к опыту Запада, то увидим, что там правительство обращалось к синдикатам с заказами, а последние уже распределялись промышленниками между собою (при этом происходило закрытие отсталых предприятий с соответствующим вознаграждением владельцев). Правительство подходило у нас к промышленности, главным образом, с фискальными целями (с боязнью «переплатить»), а в конечном счете это вызвало искусственное сокращение производства. Наложение ярма на промышленность обостряло вопрос об удовлетворении непрерывно возраставшей заработной платы; рост последней в связи с тенденцией правительства конфисковать военную прибыль сводил во многих промышленных предприятиях на нет самый стимул к увеличению производства. В результате промышленный капитал за последнее время штопал дыры, новые же капиталы обращались на торговую спекуляцию по скупке недвижимостей, акций и т. под. Последняя революционная власть наша витала в сфере социалистических принципов и лозунгов, хотя простой здравый смысл подсказывал, что самое большое, о чем можно было мечтать, к чему стремиться: поддержать экономическую жизнь от полного развала, и в первую очередь наладить продовольствие и транспорт, организовать финансы. Ведь, ясно, что до войны мы были ближе к социализму, чем после столь разорительной войны, ибо реального богатства стало меньше, и страшной экономической разрухи принцип социализма, означает насмешку над здравым смыслом и идет вразрез со всеми учениями и принципами К. Маркса и прочих социалистов. Мы все время изобретаем такие эксперименты, каких не знает никто в мире. Идя вопреки долгому опыту других стран, мы считаем возможным заменить механическую дисциплину в армии «моральной» (!), между тем общепризнано, что подчинение крупных войсковых масс единой воле мыслимо лишь, как результат предварительной, долгой и при том чисто механической тренировки, тем более на поле битвы, где люди живут под прямой угрозой смерти. Мы одним росчерком пера перешли к системной выборной

и совершенно необученной милиции, в то время как опыт Запада единодушно свидетельствует о невозможности обойтись, по крайней мере в больших городах, без специально подготовленной и сложно организованной полиции; в результате—огромный рост преступности... Мы явочным порядком ввели 8 часовую рабочую неделю и перешли в эпоху экономической разрухи к подневной оплате труда, тогда как английский, германский, французский пролетариат совершенно снял вопрос о 8 часовом рабочем труде в минуту тяжелой войны. В демократическом государстве мы допускаем стачки по предприятиям, т.-е. прием, находящий свое оправдание в деспотии... Путем всеобщей системы всяческих таксы мы пробуем бороться с дороговизной,—но это приводит к исчезновению товаров с рынка. Боясь термина «косвенное обложение», мы пытаемся ввести «незамыслимые» для патлашников казенные монополии. Требуем увеличения производительности предприятий, но одновременно задаем целью конфисковать их прибыль...

Что же удивительно, когда П. Б. Струве восклицает в предпарламенте: «Мы живем в сумасшедшем доме»; впрочем, мы живем в доме обзаведенных, истощенных, изнеможенных людей, а скоро мы естественно полетим по наклонной плоскости всеобщего грабежа и разбоя. Наша интеллигенция оказалась совершенно не на высоте момента. В среде ее обозначились оба невиданных в существе течения. На знамени одного из них было выставлено: «Только твердая власть», другое же исповедывало социалистическое, по мнению его адептов, принципы, но это на деле оказывалось чистой водой демагогизмом. Что означает «твердая власть»? Это или диктатура, опирающаяся на солдатские штыки, или же правительство, которое проводит свои веления в жизнь при посредстве сильного технического аппарата исполнительной власти. Однако опыт всех стран с очевидностью доказывает кратковременность существования диктатуры на основе грубой силы; аппарат же исполнительной власти был уничтожен у нас еще в марте, а новый аппарат такого рода создается только годами... В деле разрушения исполнительного аппарата, русская революция не имеет в истории прецедентов и на такой почве у нас мог возникнуть лишь захват власти, а не твердая власть. Другая же социалистически (!?) настроенная часть нашей интеллигенции была и остается занятой чистой демагогией при забвении того принципа, что единственный исход из экономической разрухи есть увеличение производства и возрождение национального богатства: иначе нечего распределять... Вместо разъяснения темным массам истинного—именно страшного до безконечности—экономического положения страны (вслед за предварительным уяснением их себе...) у нас провозглашалась лишь классовая борьба, классовая рознь, призывы к «классовому самосознанию», отмежеванию от буржуазии и т. под., и это в то время, когда и буржуа, и рабочий, и чиновник, и все остальное общество висят над пропастью и, цпляясь друг за друга, влекут в бездну всю страну...

При выборах в Учредительное Собрание социалистический лагерь раскалывается на длинный ряд партий и течений в среде отдельных партий; да неужели каждая партия, или даже отдельный толк ее, имеют свою программу основных законов будущей России? Руководители большевизма—те же интеллигенты своеобразного русского пошиба, и невежество во всех практических вопросах жизни поразительно для них характерно. В глазах масс большевизм является убийством для изнеможенных, обездоленных и главным образом для уставших от войны. Отвод на буржуа, как на источник всех несчастий, вполне понятен, и буржуазия в наши дни—такой же козел отпущения, как евреи при царском режиме. В большевизме, как в социальном явлении, нет решительно никаких признаков социальной революции, как и вообще в России нет до настоящего времени предпосылок к осуществлению социализма. Крестьяне составляют 75% населения России; большевизм их привлекает из-за «земли и мира». Однако, когда большевистское правительство декретирует переход помещичьей земли в частную собственность крестьян, то в чем тут социалистический максимализм и где здесь особая прелесть большевистской программы по сравнению с другими программами гораздо более умренных партий? Нынче в первую очередь крестьяне громят сплошь и рядом как раз наиболее культурные имения, зная, что в окончательно разоренных местах помещик больше не возвратится. То же самое явление наблюдалось и в 1905 году. Насколько наше крестьянство «сочувствует» идеям обобществления, показала хлебная монополия 1917 г., нашедшая в крестьянских массах лишь

ненависть и раздражение. Большевиком в деревне есть вопрос о мире и о скорейшем отобрании помещичьей земли, и даже вопрос «с выкупом или без выкупа» имеет здесь подчиненное значение. А в городах большевиком есть выражение крайнего озлобления и недовольства, как ближайший результат экономической разрухи, а никоим образом не серьезное проведение в жизнь начал социальной революции, до которой мы, конечно, совершенно еще не выросли. Достаточно присмотреться к составу городского населения Москвы, виднейшего промышленного центра, чтобы убедиться в этом. Как показывает перепись московского населения в 1902 г. (с позднейшими дополнениями в 1907 г.)¹⁾ в Москве пришлого (главным образом крестьянского) населения 72,4% (т.е. больше, чем в любом из зап. европейских центров), почти то же, что и в 1882 г. Почти 1/3 всего коренного населения Москвы приходится на детей в возрасте менее 5 лет от роду, а за вычетом этой категории общее число коренных москвичей совершенно ничтожно. Грамотных среди населения свыше 5 лет—64%, в Петроград—61,8%. Подавляющая масса населения—крестьяне: 67,2%; с каждым годом Москва становится все более крестьянской (в 1871 г.—44,5%, 1882 г.—50,9%), и старая характеристика Москвы, как большой деревни, приобретает все большую жизненную силу. Состав населения по занятиям в 1902 г. был таков: взрослого населения свыше 15 лет—866.786; фабрично-заводские рабочие 107.781=12,6%; рабочие мелкой ремесленной промышленности 104.898=12,1%; если же сюда отнести также домашних извозчиков, далее работающих в трактирных заведениях, дворников и тому под. трудовое население, то его будет 305.050=35% всего взрослого населения или же 40,5% самостоятельного, т.е. живущего на свой заработок населения; домашняя прислуга—78.728=9% взрослого и 10,4% самостоятельного населения. Включая домашнюю прислугу, рабочие всех категорий и отбывков составляют всего 50,9% самостоятельного взрослого населения. Хозяева и предприниматели=9,5%, самостоятельные служащие в промышленных и торговых предприятиях 7,6%; остальные взрослые самостоятельного населения (чиновники, учителя и т. д.) составляют 32,2% всех самостоятельных. Таков состав крупнейшего экономического центра России, и даже в нем контингент фабрично-заводских рабочих тонет в общей массе взрослого населения. А что сказать о всей остальной территории страны?

Сколько же у нас накопленного богатства? Вся сумма всего основного акционерного капитала, вложенного во все отрасли промышленности и торговли всей империи (включая Царство Польское) на 1 января 1913 г. составила 3.097 милл. р.²⁾, а весь дивиденд, выданный в 1913 году, составил—208 милл. рублей. Другими словами, если бы мы задумали распределить весь дивиденд всех хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых, льсопильных, железодобывательных, каменноугольных, стеклянных, цементных, мыловаренных, сахарных, табачных, мукомольных, масложировых, химических, резиновых, спичечных, горнопромышленных, мануфактурных, паровых, водопроводных, электрических, трамвайных, телефонных, и т. д. предприятий, то даю бы в среднем на душу населения всего 1 руб. 8 коп. в год. За время войны положение вещей отнюдь не улучшилось (все строения и машины износились до последней степени), да и для коренного русского населения погибла промышленность б. Царства Польского, Прибалтийского края и др. По самым последним данным на 1 января 1917 г. в России насчитывалось всего 12.492 промышленных предприятия, подчиненных фабричной инспекции, с общим числом рабочих в 2.093.862 человек (из них по обработке металлов 546 т. чел. и хлопка—459 т. чел.; взрослых рабочих мужчин было 1.083.906, а взрослых женщин 717.134) вместо 14.046 предприятий, числившихся под надзором фабричных инспекторов на 1 января 1914 г., с общим числом рабочих 1.960.860 человек (из них взрослых мужчин 1.208.644, а взрослых женщин—537.458. осталь-

ные—подростки и малолетние)³⁾. Общее число промышленных предприятий первых трех разрядов (т.е. с числом рабочих свыше 200 каждое) по Империи, включая Царство Польское, составляло в 1908 году—2.733 предприятия (а в 1899 году—2.338 предприятия), а четвертого разряда (т.е. с числом рабочих от 25 до 200 каждое)—6.055 предприятий (5.864 предприятия в 1899 году). Эти цифры лишь в очень скромной степени возрасли для настоящего времени. Для сравнения укажу, что в Германии, где втрое меньше населения, общее число промышленных предприятий, с числом рабочих свыше 50 каждое, было в 1907 году—29033 с 4.937.927 рабочими.

Статистика Совета съездов представителей Торговли и промышленности суммирует данные по 791 акционерному предприятию с капиталом 2,3 милл. руб., т.е. 2/3 всего имеющегося в России акционерного капитала:

за 1913 г. акционерн. капитал составлял 2.087 м. р., дивиденд 155,3 м. р. = 7,5% за 1916 г. акционерн. кап. составлял 2.281 м. р., дивиденд 216,3 м. р. = 9,5%
Данные о доходности 134 предприятий всех типов, отчеты которых были опубликованы до середины 1917 г.⁴⁾

	1913г.	1914г.	1915г.	1916г.	1913,	1914,	1915,	1916.
					в %			
акц. кап.	301,6	317,8	347,5	347,5	100	105,4	107,6	115,2
дивид. (милл. р.)	27	22,6	32,5	50,1	100	83,7	120,3	185,2
% на акц. кап.	8,9	7,2	10,1	14,4				

За 1909—1913 г. сумма основного капитала вновь возникших акционерных предприятий возрасла в среднем на 181 милл. руб. в год, т.е. по 1 рублю на жителя⁵⁾

Совокупная сумма кассы всех 1.732 отделений банков (в том числе 757 обществ взаимного кредита, 314 городских общественных банков) составляли на 1 сентября 1917 г. всего 333 миллиона рублей. В ссуду этими банками было роздано 7.102 милл. р. = 35 рублей на душу населения. Вклады в банках было 9.280 милл. р. = на 1 жителя 46 р. в нынешней обесцененной валюте. Ленинская идея национализации банков в целях осуществления контроля над промышленной деятельностью—чистейшая утопия. Касса банков ничтожна, а реализация векселей и % бумаг (ссуды под залог таковых) ничего не дасть захватившей власти, так как никто не станет покупать все эти «финности».

Сумма всех денежных вкладов в сберегательных кассах на 16/X 1917 г. = 5 миллиард. рублей (точнее 4.970 милл. руб.), а сумма % бумаг, принадлежащих вкладчикам 2.145 милл. руб., что вместе составляет всего 35 рублей на жителя; при этом нельзя забывать, что самый рост вкладов в сберегательных кассах, есть в значительной степени результат обнищания населения (реквизиции и т. инд.). Где же здесь накопленные запасы, которые могли бы оказать сопротивление «буржуазии» или иметь самостоятельное серьезное значение в экономике страны?

Донецкого топлива мы добываем 8 пуд. на жителя, нефти 2 пуда (по теплу это равноценно 1/2 пог. саж. дров), а чугуна, железа и стали по 1 пуду с небольшим на жителя в год.

В развитии сельского хозяйства можно было бы видеть просвет на будущее, но у нас нет и до времени не может быть основной посылки рационального сельского хозяйства, т.е. ипотечного кредита. Из Соединенных Штатов Св. Америки имелись предложения о снабжении в широком масштабе нашего сельского хозяйства живым и мертвым инвентарем. Но для этого необходимо одно кардинальное условие—кредит под залог земли. «Социальная революция» в наши дни исключает подобный кредит, а с ним устраняются и возможные мелiorации в нашем сельском хозяйстве. Следовательно, падает главная основа нашего будущего экономического возрождения.

При всех описанных выше условиях, большевиком не знаменует и не может знаменовать собою социальной революции, а его приемы борьбы, его стремления внушают величайшую тревогу. Всеобщее вооружение рабочих в городах (красная гвардия), а нын и крестьян в деревне, как

¹⁾ Эти данные относительно весьма мало устарели: в Москве рост рабочего населения был в последнее время задержан выходом фабрик и заводов в провинцию, и сравнительно возрасло главным образом торговое и чиновничье население Москвы.

²⁾ Подчет по Ежегоднику М-ва Ф-ва за 1914 г.; не включены, только посреднические, акционерные банки, страховые предприятия и жел. дороги.

³⁾ По данным Отдела промышленности, каковая сводка вкратце воспроизведена в «Промышленности и торговле» 1917 г. № 268.

⁴⁾ «Вестник Финансов» 1917 г. № 33.

⁵⁾ З. С. Каценеленбаум, Война и фин.-экон. положение России. 1917 с. 7.

это рекомендует Троцкий, приведут лишь к кровавой расправе и братоубийственной войне. Плоха та государственная «власть», которая на себя не надеется, а опирается только на то, что граждане будут сами оборонять себя. Разные ограничения по выдаче вкладов из банков приведут к сокращению закупок хлопка, шерсти, льна, топлива и т. под., что отзовется прежде всего на широких массах населения. Если бы нашему рабочему классу удалось взять в свои руки и сохранить промышленность, все же при создавшихся условиях он будет вынужден работать при высоких издержках: только усиленный протекционизм позволил бы покрывать эти издержки на высоких ценах, но может ли наше крестьянство допустить такой протекционизм и не выступить ли оно с протестом против чрезмерной расценки продуктов промышленности. Некоторое спасение для России заключалось бы в том, если бы в новых условиях труда удалось поднять его производительность. Однако, как показывает опыт, из всех видов кооперации наименее жизнеспособными являются кооперативные фабрики. Дело в том, что рабочие кооперативной фабрики отлично понимают, что от них зависит успех предприятия, но в то же время каждый знает, что если он немного поленился, от этого мало пострадает дело¹⁾. Успех в этом случае возможен только при исключительно высоком развитии интеллекта рабочих и пробуждении глубочайшего духа общественности и всеобщей солидарности. Но можно ли, по крайней мере, в предвидимом будущем надеяться на пробуждение такой общественности и солидарности у нас в России? Наше время мало предрасполагает к оптимизму. Вдоль общественное достояние—железные дороги, трамвай и т. под.—не вызывает ни малейшего сожаления ни в массах, ни в обществе вообще; казенное имущество продается на базарах; дух спекуляции, перепродажи и обмана царит повсеместно; производство фальшивых денег едва ли не единственная отрасль промышленности, могущая рассчитывать на дальнейшую интенсификацию труда и увеличение выработки «продукта». Проводя в жизнь «контроль над производством», можно конечно попытаться посадить на 100 рублей директора фабрики, но ведь может случиться, что посторонние рабочие не привезут топлива или сырья или не выгрузят его. И приведет ли новая форма управления промышленностью к развитию производительности (без чего наша страна должна обнищать еще больше) и будет ли она откладывать новые капиталы на создание новых предприятий? А как можно при нашем состоянии статистики вводить государственную «регламентацию промышленности»? Россия из всех стран: самая нищая, с наименьшим образованьем, с наивысшей смертностью, с наименьшим производством железа и угля, с наименьшей урожайностью пшеницы на десятину, с наименьшим и трагически ничтожным душевным потреблением меди, цинка, свинца, угля,

хлопка, сахара и т. д. (См. диаграммы Озерова «Россия в мировой семье»).

	Россия.	Франция.	Германия.	Соединенные Штаты.	Великобритания.
Медь (в русск. фунт.).	0,32	1,4	6,4	6,4	6,4
Цинк » » »	0,25	3,30	5,6	5,6	7,68
Свинец » » »	0,46	5,17	7,6	10,0	10,9
Чугунъ, железо, сталь (пуды)	1,14	4,5	7,98	18,0	9,3
Кам. уголь (пуды)	11,05	76,02	183,1	266,11	256,71
Сахаръ » » »	0,46	0,81	1,21	1,49	2,3
Хлопокъ » » »	0,114	0,23	0,41	0,81	1,2

Эти данные относятся к 1906/7 г.г., но за период непосредственно до и особенно за время войны картина складывается еще менее благоприятно для России, и потребление перечисленных важнейших товаров у нас попрежнему остается трагически ничтожным.

И при таких экономических предпосылках мы хотим диктовать миру «социальную революцию»? Казалось бы, при современном совершенно отчаянном положении нашего народного хозяйства, при надвигающемся страшном кризисе транспорта, продовольствия, топлива и финансов мы должны были бы направить все наши усилия на спасение родины от полного развала, а мы занимаемся губительнейшей игрой в социализм (ведь все принимаемая сейчас мера направлена только на то, чтобы лишить состояние крупную буржуазию и внести в ее среду панику, а не на увеличение общей суммы благосостояния и не на создание более благоприятных условий для трудящегося класса; это месь и расхищение накопленных богатств, а не социализм) и ежедневно упражняемся в издании все новых хотя и сногосшибательных, но отнюдь не первоочередных или существенно важных даже для социального переворота декретов в родъ декретов о социализации домов, о полной монополии объявлений, реорганизации гражданской и военной власти на новых нигде не виданных началах, об отмене судов, о рабочем контроле, о банках, о платежах налогов и т. д., и т. д. Мы стоим экономически и политически на краю пропасти, а покрываем всю Россию огнем братоубийственной войны и всеобщего ничья неслышимого расхищения накопленного достояния... Пора, наконец, опомниться!

Проф. Пав. Гензель.

¹⁾ См. по этому поводу подробно в брошюру проф. Тауссига и Шапошниковъ, Социализм или капитализм, 1917, стр. 20.

²⁾ См. ту же брошюру Тауссига и Шапошникова.

ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ КОММУНИЗМЪ.

Статья Б. Кремнева.

Не понимаю, почему это иные так несправедливо и жестоко осуждают большевиков! Вероятно, это все злая интрига буржуазии. Но я вот, к счастью, самый настоящий и подлинный пролетарий, т. е. у меня нет ни каких орудий производства, но даже и самой невинной собственности. Правда, у меня была довольно ценная библиотека, но часть ее осталась в Якутской области, а другая часть застряла во время войны в Швейцарии, а третья часть, хотя и находилась недавно в пределах Российской Республики, нынче неизвестно кому принадлежит, ибо там, в г-хъ пределах, теперь какая-то иная республика.

Итак, я пролетарий, и потому коварная буржуазия

меня не соблазнит и не обманет. Буржуазии трудно, конечно, наладить на новых основаниях свою жизнь—вот она и злится, но мне то, пролетарию, будет очень хорошо, ибо, ведь, сейчас райские времена—наша собственная, так сказать, диктатура, диктатура пролетариата!

Все случилось, как предсказывал Карль Маркс и его друг Энгельс. А еще скептики сомневались в точности этих предсказаний. Теперь Ома невинный может вложить персть.

Подведем, граждане и товарищи, итоги этому счастливому перевороту, который избавил нас от демократической республики и ввел непосредственно в батрацкий рай.

Случилось это, какъ по писанному. Необычайный ростъ россійской промышленности создалъ въ странѣ гигантскую технику производства. Могучіе промышленные синдикаты совершенно раздавили мелко-буржуазныя предприятия, и колоссальное развитіе производительныхъ силъ содѣйствовало организациі многими миллионныхъ кадръ рабочихъ. О, это не были полуграмотные деревенскіе простецы,—это были сознательные культурные товарищи. Чернорабочихъ вовсе не было.

Квалифицированный трудъ необходимъ былъ для регулированія машиннаго производства и не было нужды въ простой физической силѣ. У всѣхъ товарищей было развито чувство собственного достоинства, сознание своего умственнаго превосходства и нравственной силы, и все это совершенно обезпечивало прекрасное торжество социализма.

А что дѣлалось у насъ въ деревнѣ? Давно ужъ канули въ лету пережитки крѣпостнаго права, примитивныя способы обработки земли и всѣ прочія прелести патриархальнаго строя. Громадныя земельныя пространства, скупленныя могущественными акціонерными кампаніями, эксплуатировались съ чрезвычайной интенсивностью. Деревенскіе рабочіе были не менѣе культурны, чѣмъ ихъ городскіе товарищи. Попробовали бы вы найти хотя одного неграмотнаго. Ни одного!

Естественно, что при такой степени сознательности сельскихъ рабочихъ процвѣтала наша аграрная культура. Сельскохозяйственныя машины, транспортъ, распределение сырья въ городахъ, точный учетъ внѣшняго и внутренняго рынка—все было налицо. Оставалось только установить контроль надъ производствомъ, въ качествѣ переходной мѣры, и дѣло въ шляпѣ.

Социализация перестала быть мифомъ и сдѣлалась несомнѣнной и осязательной реальностью. Безболѣзненному переходу отъ буржуазнаго строя къ социалистическому прекрасно содѣйствовали тѣ отрасли производства, которыя давно были монополизированы могущественнымъ государствомъ.

Къ этому счастливому дню все было въ порядкѣ. Какъ чудесно работали у насъ желѣзныя дороги! Какъ предусмотрительно распределено было топливо!

Гражданская и политическая жизнь была на немалой высотѣ, чѣмъ жизнь экономическая. Не было ни одного гражданина, который не принадлежалъ бы сознательно къ какой-либо изъ партій. Каждый былъ членомъ многочисленныхъ союзовъ и кооперативовъ.

Оставалось только свергнуть буржуазію, которая являлась какимъ-то ненужнымъ придаткомъ превосходно налаженнаго производства.

Въ сущности, сама буржуазія, эти двѣ-три сотни миллиардеровъ-синдикатчиковъ, не вѣрила въ свою долговѣчность. Правда, буржуа понимали, что социалистическое правительство, желая подчеркнуть свое великодушіе признаніемъ историческаго значенія представителей капитализма, обезпечить ихъ извѣстной пенсией, но это почему то ихъ не утѣшало.

Къ этому времени какъ разъ, вѣдь, кончилась война съ реакціонной Германской Имперіей. Могучая наша армія, состоявшая сплошь изъ однихъ социал-демократовъ (анархистовъ было не болѣе одного процента), было непоколебима. И славные вожди республики продиктовали послѣднему въ Европѣ импера-

тору справедливый демократическій миръ, который обезпечилъ всѣмъ народамъ самоопредѣленіе.

Разумѣется, мы не потребовали никакихъ аннексий и контрибуцій. Правда, нѣмецкій императоръ, со свойственнымъ нѣмецкой расѣ упрямствомъ, сталъ вдругъ доказывать, что онъ все-таки имѣетъ право аннексировать кое-что, на примѣръ, Польшу и Прибалтійскій Край, но вожди социалистической республики ему рѣшительно заязили, что они уже демобилизовали армію, и если ему угодно что-нибудь взять, то пусть онъ беретъ не только Польшу, но и всю Россійскую Республику цѣликомъ. Это было, конечно, ироническое заявленіе. И я, какъ пролетарій, не могу не оцѣнить такого остроумія.

Въ эти счастливые дни какъ разъ обсуждался еще одинъ послѣдній вопросъ въ связи съ ликвидаціей буржуазнаго строя—это вопросъ о христіанствѣ. Его, разумѣется, также надо было поскорѣе ликвидировать. Злые языки болтали, что по вопросу о ликвидаціи христіанства въ Совѣтѣ Народныхъ Комиссаровъ произошло разногласіе. Высказано было три мнѣнія.

Ленинъ будто бы сказалъ: «Религія, разумѣется, приватъ-захе, но все-таки надо спросить объ этомъ кронштадтскихъ матросовъ. Въ Кронштадтѣ, говорягъ, рѣшено по религиознымъ мотивамъ поставить въ соборѣ мое скульптурное изображеніе и по субботамъ совершать передъ нимъ закланіе двухъ или трехъ буржуевъ. Я, право, не знаю, какъ къ этому отнести тѣ. Что это приватъ-захе или не приватъ-захе?»

Бронштейнъ сказалъ: «Мнѣ не нравится, что въ христіанствѣ есть ученіе о какихъ-то трехъ богахъ. По моему лучше было бы, если бы ихъ было меньше. Но какъ ихъ реквизируютъ? Говорятъ, что въ христіанскихъ церквахъ много золотой посуды. Реквизируемъ пока посуду».

Луначарскій сказалъ: «Я написалъ два тома, въ которыхъ доказалъ, что пролетаріатъ и есть богъ. При чемъ же тутъ Христосъ? Позвольте мнѣ, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, рекомендовать мои книги, какъ обязательныя пособія. Я увѣренъ, это такимъ способомъ мы очень легко и просто ликвидируемъ христіанство».

Послѣ такого обмѣна мнѣній, комиссары, ничего не рѣшивъ принципиально, послали красногвардейцевъ въ Александровскую лавру.

Красногвардейцы пришли въ лавру и убили тамъ священника. Имъ вовсе не поручали этого дѣлать. Они сами захотѣли его убить и убили.

Когда въ Царскомъ Селѣ убивали священника, его сначала мучили на глазахъ сына-мальчика, а потомъ убили. А въ лаврѣ просто убили, и я не знаю, были ли при этомъ его дѣти или ихъ не было, и они не видѣли, какъ убивали ихъ отца.

Но народъ, который еще не успѣлъ прочесть очень умныхъ книгъ Луначарскаго и потому вѣрилъ въ Иисуса Христа, распятаго за насъ, видѣлъ, какъ убивали священника и запомнилъ это.

Не понимаю, почему это нынѣ такъ несправедливо и жестоко осуждаютъ большевиковъ!

Само собою разумѣется, что это все злыя интриги буржуазіи.

29 января 1918 г.

Борисъ Кремлевъ.

РЕВОЛЮЦІЯ И ПРАВО.

Статья проф. А. Рождественскаго.

1. Если спросить большинство русских граждан, какое представление имѣютъ они о революціи, то получится, вѣроятно, далеко не удовлетворительный отвѣтъ: во всякомъ случаѣ, въ немъ будетъ много неяснаго, туманнаго и непродуманнаго; если же спросить, какъ они смотрятъ на отношеніе между революціей и правомъ, то дѣло будетъ еще хуже,—и нѣтъ ничего удивительнаго, если кто нибудь заявитъ, что говорить объ отношеніи революціи къ праву—это все равно, что говорить, на примѣръ, о сухой водѣ или горькомъ сахарѣ. Въ цѣляхъ проясненія революціоннаго сознанія хотя бы въ нѣкоторой части русскихъ гражданъ мы и рѣшили рассмотреть этотъ вопросъ—*о революціи и правѣ*.

2. Вопросъ о революціи и правѣ можно разсматривать съ разныхъ точекъ зрѣнія. Мы остановимся только на двухъ главнѣйшихъ: 1) *разсмотримъ, существуетъ ли право на революцію* и 2) *каково должно быть взаимоотношеніе двухъ силъ революціи и права*. Но, прежде всего, что такое революція и о какой революціи мы будемъ говорить въ дальнѣйшемъ?

Подъ революціей въ широкомъ смыслѣ слова разумѣютъ всякій внезапный и насильственный переворотъ, насильственное и внезапное измѣненіе чего-либо. Но обыкновенно это слово примѣняютъ къ государственной (и общественной) жизни, и въ такомъ случаѣ подъ революціей разумѣютъ *ниспроверженіе* существующаго государственнаго (и общественнаго) строя и *созданіе* новаго уклада государственной (и общественной) жизни. Кромѣ того, важно отмѣтить, что революціи въ указанномъ сейчасъ смыслѣ бывають двухъ родовъ: 1) такъ называемыя *революціи сверху* и 2) *революціи снизу*. Въ первомъ случаѣ революцію производить правящая власть, насильственно замѣняя одну форму правленія другой (или насильственно измѣняя общественный укладъ); такъ было, на примѣръ, во Франціи, когда президентъ Наполеонъ объявилъ себя императоромъ Наполеономъ III. Во второмъ случаѣ переворотъ производитъ народъ: это—народныя революціи; такой была, на примѣръ, первая французская революція, такой же является и переживаемая теперь нами русская революція. Въ дальнѣйшемъ мы и будемъ имѣть въ виду только этотъ послѣдній видъ революціи, т.-е. революцію народную.

3. Итакъ, спросимъ себя, прежде всего, существуетъ ли право на революцію,—иными словами: *имѣетъ ли народъ право совершать революцію?* На этотъ вопросъ долженъ быть данъ только одинъ отвѣтъ: нѣтъ, *народъ, не имѣетъ права* совершать революцію, и если онъ ее совершаетъ, то дѣлаетъ это не потому, что ему дано такое *право*, а потому, что у него накопилось достаточно *силы*, чтобы разрушить старый укладъ государственной (и общественной) жизни и приступить къ созданію новаго. Этотъ отвѣтъ можетъ вызвать извѣстное недоумѣніе; могутъ спросить: какъ, народъ не имѣетъ права возставать на своихъ притѣснителей, не имѣетъ права разбивать цѣпи

своего рабства?—Такое недоумѣніе возможно, но оно покоится всецѣло на недоразумѣніи. Дѣло вотъ въ чемъ. Когда мы спрашиваемъ, существуетъ ли у народа право на революцію, то, иными словами, мы задаемъ вопросъ: *существуетъ ли такой законъ, на основаніи котораго народъ былъ бы уполномоченъ къ революціоннымъ выступленіямъ*. И вотъ—на этотъ вопросъ мы и должны отвѣтить отрицательно: такихъ законовъ нигдѣ нѣтъ и даже болѣе того—ихъ *нигдѣ и быть не можетъ*. Вѣдь, всякая революція ведетъ къ ниспроверженію существующаго государственнаго (и общественнаго) строя, а между тѣмъ, государственная власть въ каждомъ государствѣ должна стремиться къ тому, чтобы укрѣплять государственный строй, а не разрушать его; поэтому, если бы государственная власть издала законъ, уполномочивающій народъ на революцію, то она совершила бы своего рода самоубійство, признала бы свою неспособность къ мирному и планомерному государственному строительству, *приняла бы къ своему собственному отрицанію*. Въ виду этого ни въ одномъ государствѣ, ни въ одной конституціи нѣтъ постановленій о правѣ народа на революцію; напротивъ—существуетъ цѣлый рядъ постановленій, направленныхъ на прочное огражденіе государственнаго строя, на обезпеченіе для государственной власти возможности, въ случаѣ нужды, итти путемъ постепенныхъ реформъ, а не путемъ всегда тягостныхъ для народной жизни государственныхъ переворотовъ.

Одинъ только разъ въ конституцію было внесено постановление о правѣ на революцію. Это было во Франціи, въ 1793-мъ году. Въ ст. 35-й конституціи 1793 г. мы читаемъ: «Если правительство нарушитъ права народа, то возстаніе составляетъ для него самую святую и непреложную обязанность». Конституція 1793 года была, однако, только «бумажной» конституціей: она никогда не дѣйствовала въ жизни; и если бы стала дѣйствовать, то, конечно, просуществовала бы недолго, такъ какъ народъ (или, вѣрнѣе говоря, наиболѣе склонная къ переворотамъ часть его), при первомъ же неугодномъ ему поступкѣ правительства, постарался бы осуществить свою «священную» и «непреложную» обязанность. Вносить постановление о правѣ на революцію—значитъ узаконивать общественную анархію, и никто, кромѣ враговъ общества или фанатиковъ, не можетъ стремиться къ установленію подобнаго закона.

Такимъ образомъ, права на революцію у народа нѣтъ и не можетъ быть, ибо такое право было бы отрицаніемъ самаго государственнаго и общественнаго бытія.

4. Но что же сказать тогда по поводу выше поставленнаго вопроса: «развѣ народъ не имѣетъ права разбивать цѣпи своего собственнаго рабства?» Или, быть можетъ, этотъ вопросъ не имѣетъ никакого смысла? Нѣтъ, онъ имѣетъ глубокій и важный для всякой революціи смыслъ, но совершенно не тотъ, который ему иногда пытаются придать. Здѣсь рѣчь идетъ не о *правѣ*

на революцию, которое установлено законом (и которого, как мы только что видели, нѣтъ и быть не можетъ), а о томъ, можно ли *оправдать* революцию, можно ли *одобрить* ее, съ точки зрѣнія ея разумности и справедливости. Поэтому, рассуждая правильно, поставленный выше вопросъ долженъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: «можетъ ли быть *оправданъ* народъ, пытающійся путемъ революции сбросить наложенныя на него цѣпи?» Революція всегда заключаетъ въ себѣ элементъ насилия: она, по крайней мѣрѣ, начинается съ насилия. Между тѣмъ, развитое человѣческое сознание не терпитъ насилия человѣка надъ человѣкомъ, возмущается противъ него и можетъ въ той или другой мѣрѣ примириться съ нимъ лишь въ томъ случаѣ, если оно въ достаточной степени *оправданно*, — оправдано передъ *разумомъ* и передъ *совѣстью*.

Разумъ можетъ помириться съ революціей, если она *безспорно необходима и цѣлесообразна*; другими словами, если для достижения новаго государственнаго (и общественнаго) строя нѣтъ другого пути, кромѣ революціи, и если этотъ путь дѣйствительно приведетъ къ поставленной цѣли. Если же революція не представляетъ безспорной необходимости или если она не навѣрное ведетъ къ достижению желаемого, то такая революція съ точки зрѣнія разума — бессмысленна, и разумъ оправдать ее не можетъ: въ его глазахъ революціонный народъ походилъ бы въ такомъ случаѣ на человѣка, который, чтобы достать высоко растущий плодъ на деревѣ, рубить дерево, когда въ томъ нѣтъ необходимости и когда достать плодъ можно другими средствами...

Но особенно важно оправдать революцію передъ *человѣческой совѣстью*, и революцію можетъ оправдать въ данномъ случаѣ только та *цѣль*, ради которой она совершается. Если революція преслѣдуетъ высокія и прекрасныя цѣли, если она совершается во имя блага всего народа, то общественная и личная совѣсть человѣка мирится съ ней; если же революція преслѣдуетъ низкія цѣли, напримѣръ, если путемъ революціи одна часть населенія хочетъ поработить другую, то съ такой революціей *человѣческая совѣсть* примириться не можетъ. Революція должна стремиться къ проведенію въ жизнь болѣе справедливаго и совершеннаго государственнаго (и общественнаго) строя, чѣмъ тотъ, который былъ до революціи; въ противномъ случаѣ она не можетъ быть оправдана передъ *человѣческой совѣстью*, ибо тогда она не добро, а зло.

Здѣсь мы приходимъ, между прочимъ, къ одному весьма важному для пониманія революціи моменту: *революція не можетъ разсматриваться, какъ цѣль сама для себя*; она только *средство*, только путь для достижения опредѣленной цѣли. Революція ради революціи — это бессмыслица, и каждая революція должна быть терпима лишь до тѣхъ поръ, пока она является пригоднымъ средствомъ для достижения намѣченной цѣли, — не долѣе.

Безсмысленно, поэтому, преклоняться передъ революціей, какъ таковой; сама по себѣ взятая, революція, какъ и всякое насиліе человѣка надъ человѣкомъ, не имѣетъ въ себѣ ничего почтеннаго, и только высокая цѣль можетъ оправдать ее. Есть заповѣди и у революціи, и одна изъ нихъ гласитъ: «Не сотвори себѣ кумира; не поклоняйся революціи, какъ Богу, ибо революція не Богъ, а только путь къ добру или злу!» Существуютъ, однако, люди — бунтари по природѣ, для которыхъ бунтъ хорошъ самъ по себѣ; но

этимъ людямъ — не мѣсто въ обществѣ: они или преступники или больные и мѣсто для нихъ — въ тюрьмѣ или въ больницѣ! Упорядоченное общество не можетъ терпѣть бунта ради бунта и апостолы бунта должны быть обезврежены, какъ враги общественного порядка, культуры и мирнаго развитія.

5. Посмотримъ теперь, что слѣдуетъ сказать по вопросу о томъ, въ какомъ отношеніи должны находиться другъ къ другу сила права и сила революціи. Съ этою цѣлью выяснимъ прежде всего общественное значеніе права и общественный смыслъ революціи.

Общественное значеніе права поистинѣ громадно. Можно безъ преувеличенія сказать что вся общественная жизнь современныхъ народовъ со всею ея сложностью и совершенствомъ обязана праву. «Гдѣ общество — тамъ и право» — говорили римляне; но столь же справедливо и обратное: гдѣ право — тамъ и общество. А между тѣмъ большинство людей едва ли сознаетъ ясно громадное общественное значеніе права и происходитъ это, какъ это ни странно, можетъ показаться, именно потому, что право для насъ — одна изъ самыхъ необходимыхъ стихій. Въ этомъ отношеніи право подобно окружающему насъ воздуху. Мы пользуемся воздухомъ каждое мгновение, но совершенно не замѣчаемъ его, какъ будто онъ для насъ совершенно не нуженъ. Но стоитъ только лишить насъ воздуха хотя бы на самое краткое время, какъ сейчасъ же оказывается, что безъ воздуха мы жить не можемъ. То же самое происходитъ и съ правомъ. Мы сжились съ нимъ, привыкли къ нему и не замѣчаемъ, что оно своего рода воздухъ для общественной жизни. И стоитъ только узамъ права ослабѣть, какъ вся важность его обнаруживается во всей своей силѣ: общественная машина сейчасъ же начинаетъ разстраиваться; сначала она начинаетъ двигаться не съ прежней ровностью, съ остановками и перерывами; затѣмъ — нѣкоторыя части ея перестаютъ дѣйствовать совсѣмъ, а, въ концѣ концовъ, она совершенно разлагивается и останавливается: наступаетъ полное общественное разложение.

Если мы взглянемъ нѣсколько пристальнѣе въ ту роль, которую право играетъ въ общественной жизни, то сказанное сейчасъ станетъ для насъ совершенно понятнымъ яснымъ. Никакое общественное бытіе немислимо, если въ немъ не существуетъ общественнаго *порядка*, общественнаго *мира* и общественной *свободы*. И вотъ, все это и даетъ обществу право. Оно создаетъ общественный порядокъ, точно устанавливая, что люди могутъ дѣлать и чего они дѣлать не могутъ, — что имъ дозволено и что запрещено. Оно создаетъ общественный миръ, мирное общежитіе, налагая узду на личный произволъ людей при осуществленіи ими своихъ интересовъ, ставя строгія границы для борьбы за существованіе и устанавливая способы разрѣшенія столкновеній между людьми не путемъ насилия и кулачной расправы, а безпристрастными мѣрами суда. Что же касается свободы, то нужно прямо сказать, что если бы не было права, то не было бы и свободы въ общественныхъ отношеніяхъ людей. Свобода, вѣдь, — это не произволъ, не безграничная возможность дѣлать, что угодно, какъ угодно и когда угодно. Свободенъ только тотъ, кто дѣйствуетъ не нарушая интересовъ другихъ людей; свобода — это *ограниченіе произвола*. Такую именно свободу и создаетъ право, устанавливая строго опредѣленныя рамки для личной дѣятельности людей. Оно говоритъ человѣку: «ты можешь

дѣлать все, что тебѣ угодно, но при условіи—не нарушать установленных мною границъ; и пока ты будешь въ этихъ границахъ, которыя я устанавливаю, руководясь общею пользою, проявлять свою личность, ты *свободенъ*; но, какъ только ты изъ этихъ предѣловъ выйдешь, ты уже *не свободенъ*, ты уже нарушаешь законъ и можешь подлежать наказанію. Въ современномъ обществѣ нѣтъ никакой другой свободы, кромѣ *свободы подзаконной*. И она возможна только потому, что въ общественныхъ отношеніяхъ людей дѣйствуетъ ограничивающая личный произволь сила права.

Таково общественное значеніе права. Что же слѣдуетъ сказать объ общественномъ значеніи революціи?

6. Революція заключаетъ въ себѣ элементъ насилия и разрушенія. Но тотъ, кто думаетъ, что общественный смыслъ революціи заключается именно въ разрушеніи; что во время революціи каждый можетъ дѣлать все, на что у него хватить смѣлости, ловкости или силы; что революція тѣмъ удачнѣе, чѣмъ больше она несетъ съ собою насилий и разрушенія,—тотъ совершенно не понимаетъ настоящаго *общественно-революціоннаго духа*,—тотъ говоритъ намъ не о революціи, а о *политическомъ разбѣе и погромахъ*. Общественный смыслъ революціи заключается какъ разъ именно не въ томъ чтобы разрушать, а въ томъ чтобы *создавать*, на мѣсто стараго ставить новое. По своему общественному значенію революція не бунтарство, не торжество анархическихъ и разбойническихъ инстинктовъ, а творческое дѣло, творческая работа народа, сбросившаго старыя цѣпи и своимъ личнымъ усиленіемъ создающаго новый, болѣе совершенный укладъ государственно-общественнаго бытія. Элементъ насилия играетъ въ революціи *не главную*, а только *второстепенную* роль: онъ необходимъ и допустимъ лишь постольку, поскольку это нужно, чтобы расчистить поле для новой, *творческой* дѣятельности народа. Истинные революціонеры—не бунтари, не разрушители, не погромщики и политическіе разбойники, а *творцы* новой общественной жизни. Творить, творить и творить; всюду вносить живую созидательную работу, перестраивать старое на новое—вотъ лозунгъ настоящей революціи; прежде всего творить, разрушать же лишь въ случаѣ необходимости и, по возможности, меньше, чтобы не подорвать силу общественного организма и, вмѣсто здоровья, не причинить ему неисцѣлимой болѣзни.

Двѣ силы дѣйствуютъ въ мірѣ: добро и зло, Богъ и дьяволъ. И вотъ, общественный смыслъ революціи

заключается въ томъ, чтобы ея разрушительный, дьявольскій элементъ подчинить творческой силѣ добра, элементу божественному. Смыслъ революціи—не въ разрушеніи, а въ созиданіи!

7. Теперь становится совершенно яснымъ, въ какомъ отношеніи должны находиться другъ къ другу сила права и сила революціи.

Поверхностная мысль, будто революція—своего рода антиподъ права. Какъ разъ именно наоборотъ: такъ какъ революція должна на первый планъ выдвигать творческую, созидательную работу, то она въ самыхъ широкихъ размѣрахъ должна пользоваться упорядочивающей, умиротворяющей и освобождающей силой права. Право не только не противорѣчитъ революціи, но, напротивъ того, только тамъ и можно говорить о настоящей революціи, гдѣ она проникнута силою права, и революція безъ права—это не революція, а политическій разбой. Разбойникъ, погромщикъ—они, дѣйствительно, враги праву, но революціонеръ—его самый искренній другъ; и чѣмъ больше во время революціи проявится сила права, тѣмъ больше будетъ и торжество революціоннаго творчества новой жизни. Если поэтому народъ хочетъ совершить наиболѣе плодотворную и богатую результатами революцію, онъ долженъ глубоко уважать право, чтобы не кинуть иначе общество въ жертву голого мятежа и анархії.

8. Революція, которая слабо связана съ правомъ или готова нарушать каждую минуту его благодѣтельная вѣлнія, ведетъ къ своей собственной, скорой и позорной гибели. Первая французская революція можетъ служить тому примѣромъ.

Когда Франція дожила до конвента, когда мнимые революціонеры стали чинить безудержныя насилия надъ французскимъ народомъ, когда гильотина и тюрьмы не могли насытиться, тогда французская революція подписала свой смертный приговоръ,—и вскорѣ на ея развалинахъ взвились знамена Наполеона. Измученный безправіемъ, французскій народъ съ восторгомъ бросился къ ногамъ счастливаго корсиканца, и на площадяхъ Парижа, гдѣ еще недавно раздавались возгласы: «Да здравствуетъ революція! Да здравствуетъ республика!» стали раздаваться крики: «Да здравствуетъ императоръ Наполеонъ!»...

Уроки исторіи всегда очень поучительны: «Имѣй уши слышати, да слышать!»

А. Рождественскій.

ЭЛЬЗАСЪ-ЛОТАРИНГСКІЙ ВОПРОСЪ.

Статья Н. Ануфриева.

Временное Правительство, принявъ на себя политическое обязательство довести страну до Учредительнаго Собранія какъ конечнаго пункта революціи, и дать этому Собранію исчерпывающій матеріалъ для осуществленія его высокаго назначенія, съ самыхъ первыхъ дней марта 1917 года энергично приступило къ трудной и сложной работѣ исправленія ошибокъ стараго императорскаго режима и проведенія въ жизнь долгожданной реформы. И нужно признать, что Правительство за эти 6—7 мѣсяцевъ сдѣлало въ нѣкоторыхъ частяхъ управленія колоссально много какъ напримѣръ въ области мѣстнаго самоуправленія,

но также нужно признать и то, что въ другихъ областяхъ сдѣлано меньше, а въ иныхъ и совсѣмъ ничего. Особенно не посчастливилось въ этомъ отношеніи нашей внѣшней политикѣ: здѣсь Временное Правительство не только не достигло никакихъ положительныхъ результатовъ, но, пожалуй, сдѣлало не одинъ шагъ назадъ. Отчасти это объясняется, конечно, нашей внутренней разрухой, которая не давала и не даетъ намъ возможности уяснить себѣ международное положеніе Европы вообще и Россіи въ частности. Къ сожалѣнію выяснилось, что вопросы эти не относятся къ числу такихъ, которые рѣшаются простымъ

вдохновеніемъ демократическаго шпета мысли. Оказалось, что для рѣшенія этихъ «проклятыхъ» вопросовъ нужны большія знанія и еще большій опытъ. Но характерная черта революціоннаго мышленія, его упрощенность, не заставила нашу отвѣтственную и безотвѣтственную дипломатію долго раздумывать надъ запутанными вопросами международной политики. Гордіевъ узелъ сложнѣйшихъ международныхъ переплетеній былъ смѣло и рѣшительно разрубленъ властителями нашихъ политическихъ думъ простой формулой: «безъ аннексій и контрибуцій». Съ тѣхъ поръ намъ кажется, что никакихъ международныхъ затрудненій и вопросовъ не существуетъ, стоитъ только приложить къ зіяющимъ ранамъ Европы эту цѣлебную формулу, и сразу настанетъ райское житіе.

Формула эта, кромѣ своей пустоты и непримѣнности, имѣетъ и много другихъ вредныхъ качествъ: она заставляетъ насъ забывать и государственные интересы Россіи, и долгъ передъ союзниками, и нашу историческую миссію по освобожденію славянъ и умиротворенію Европы. Формула эта порождаетъ самый черствый эгоизмъ животнаго самосохраненія и какъ таковая достойна только отверженія и забвенія.

Революціонный эгоизмъ изгналъ изъ нашего сознанія и уничтоженную Сербію, и окровавленную Бельгію, и разоренную Польшу, и угнетенныхъ братьевъ-чеховъ, и задавленную германскимъ бронированнымъ кулакомъ Эльзась-Лотарингію и другія жертвы нѣмецкаго милитаризма.

Среди важныхъ вопросовъ международнаго характера, которые будутъ предметомъ обсужденія на будущей, мирной конференціи, будетъ поставленъ безъ сомнѣнія и вопросъ объ участи Эльзась-Лотарингіи. Вопросъ этотъ не такъ далекъ отъ интересовъ Россіи, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Россія заинтересована въ правильномъ и справедливомъ разрѣшеніи этого вопроса и какъ великая европейская держава, которой дорогъ общеевропейскій миръ, и какъ держава, получившая, послѣ франко-прусской войны 1870—71 гг. цѣною разгрома Франціи и передачи миллионнаго населенія Эльзась-Лотарингіи подъ чуждое и ненавистное нѣмцамъ Германской Имперіи, — право на Черноморскій военный флотъ. Не нужно забывать, что успѣхъ нѣмецкихъ войскъ во Франціи въ 1870—71 гг. стоитъ въ прямой зависимости отъ русскаго нейтралитета въ этой войнѣ и что въ видѣ платы за этотъ нейтралитетъ мы получили отнятое у насъ въ Крымскую кампанію право имѣть на Черномъ морѣ военный флотъ и военныя укрѣпленія.

Въ виду того, что Эльзась-Лотарингіей и эльзась-лотарингскимъ вопросомъ у насъ мало интересовались, мы считаемъ нелишнимъ сдѣлать самый бѣглый экскурсъ въ область исторіи этихъ областей, который дастъ намъ попутно и матеріалъ для разрѣшенія самаго вопроса.

Эльзась и Лотарингія въ настоящее время представляютъ двѣ провинціи, соединенныя въ одну такъ называемую «имперскую землю», входящую въ составъ Германской Имперіи съ 1871 года въ качествѣ завоеванной области, принадлежащей всей Имперіи какъ бы на правѣ собственности. Такое положеніе Эльзась-Лотарингіи въ составѣ Германской Имперіи является аномаліей, такъ какъ Имперія составляется изъ ряда полу-суверенныхъ государствъ, изъ которыхъ каждое въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ управляется вполне

самостоятельно; Эльзась-Лотарингія же не является союзнымъ государствомъ и не имѣетъ самостоятельности въ управленіи своихъ внутреннихъ дѣлъ. Даже и конституція, дарованная Германской Имперіей въ 1911 году Эльзасу-Лотарингіи, не сдѣлала изъ этихъ областей союзнаго государства, сохранивъ возможность широкаго вмѣшательства въ дѣла провинціи со стороны германскаго императора и его правительства. Такое ненормальное положеніе Эльзась-Лотарингіи въ составѣ Германской Имперіи объясняется совершенной инородностью этихъ областей по отношенію къ остальному населенію Имперіи. Германская Имперія представляетъ вообще одно изъ самыхъ цѣльныхъ государствъ по національной народности населенія, которая нарушается только немногочисленными поляками на восточной границѣ и эльзась-лотарингцами на западной, при чемъ поляки не такъ чувствительно разбиваютъ однородность нѣмецкой массы, какъ эльзась-лотарингцы.

Эльзась-Лотарингія съ древнѣйшихъ временъ служитъ исторической лабораторіею, гдѣ смѣшивалась французская національность съ нѣмецкой. Здѣсь съ V вѣка послѣ Р. Хр. сталкивается и смѣшивается римская культура съ германской, латинскій, а впоследствии французскій, языкъ съ нѣмецкими діалектами. Этотъ тысячелѣтній процессъ не сдѣлалъ, однако, на почвѣ Эльзась-Лотарингіи изъ нѣмца француза или изъ француза нѣмца, но способствовалъ образованію особой смѣшанной національности, гдѣ элементы латинской культуры органически слились съ элементами германской культуры въ одно очень крѣпкое и устойчивое національное цѣлое. Исторія показываетъ, что такія смѣшанныя народности иногда проявляютъ крайнюю степень стремленія къ удержанію и сохраненію своей національной индивидуальности и особенно противъ притязаній тѣхъ народовъ, которые являются родоначальниками такой смѣшанной національности. Припомнимъ героическую борьбу швейцарской націи, образовавшейся также отъ историческаго смѣшенія латинско-французской и нѣмецкой національностей, за свою самостоятельность противъ своихъ родоначальниковъ и сосѣдей. Эльзась-Лотарингцы во многихъ чертахъ похожи на швейцарцевъ, а въ особенности въ отношеніи отстаиванія своей культурной самостоятельности противъ нѣмецкихъ «патриотовъ». За свое 46-лѣтнее владычество Германія, или вѣрнѣе Пруссія, не смогла ни опусачить Эльзась-Лотарингію, ни привить ей симпатій къ германской культурѣ, и это, несмотря на весьма рѣшительную и послѣдовательную, въ нѣмецкомъ духѣ, политику ассимиляціи покоренныхъ областей. Наоборотъ, такая политика привела эльзась-лотарингцевъ къ гораздо болѣе тѣсному сближенію съ Франціей и французской культурой, чѣмъ это было до 1871 года. Напряженная полувѣковая борьба съ германизацией, при постепенномъ исчезновеніи надежды снова политически слиться съ Франціей, создала изъ эльзась-лотарингцевъ крѣпкую націю, выработавшую въ нуждѣ и отчаяніи несокрушимую идею Эльзась-Лотарингскаго отечества. Идея эта имѣла столь сильное вліяніе на населеніе, что оно смогло съ успѣхомъ противопоставить себя германской національности и сохранить свою индивидуальность, нѣхотясь въ сферѣ власти германскаго правительства. Нельзя сказать, что эльзасцы и лотарингцы считали себя при этомъ чистыми французами; симпатіи и стремленіе къ Франціи и къ фран-

цузской культурѣ объясняются прежде всего, конечно, преобладаніемъ въ эльзась-лотарингской національности французскихъ элементовъ, а затѣмъ желаніемъ наиболѣе рѣзко отграничиться отъ опруссаченной Германіи.

Сознаніе себя отдѣльной національностью, отечествомъ, особенно утвержденное культурной работой тѣхъ поколѣній, которыя выросли уже подъ нѣмецкимъ господствомъ и воспользовались дарами и нѣмецкой культуры для своей цѣли, даетъ, на нашъ взглядъ, ключъ къ разрѣшенію эльзась-лотарингскаго вопроса на будущей конференціи въ духѣ стремленій самой заинтересованной національности при возможности удовлетворить и другія стороны въ спорѣ.

Въ эльзась-лотарингскомъ спорѣ три дѣйствующихъ лица: Германія—побѣдительница, Франція—побѣжденная и Эльзась-Лотарингія—присоединенная. Побѣдительница, хотя и исполненная сознанія своей силы, за послѣднее время не можетъ скрыть чувства раздраженія противъ непокорной присоединенной стороны; побѣжденная переполнена безсильнымъ протестомъ и жаждой отмщенія, а присоединенная сторона одна занята неустанной работой созданія своей независимости и отъ побѣдительницы, и отъ побѣжденной.

Сама Германія въ настоящее время болѣе всѣхъ озабочена новымъ устройствомъ этихъ нарушающихъ германское единство и спокойствіе областей, потому что надежда на ихъ германизацию потеряна совершенно. Во время войны уже возникали проекты присоединенія Эльзаса и Лотарингіи то къ Пруссіи, то къ Баваріи, то къ Бадену, и можетъ быть, въ крайности Германія мечтаетъ и совсѣмъ избавиться отъ такихъ непокорныхъ «подданныхъ».

За послѣднее время намѣтились три возможности разрѣшенія эльзась-лотарингскаго вопроса: 1) оставленіе Эльзаса и Лотарингіи въ составѣ Германской Имперіи въ качествѣ союзнаго государства, 2) присоединеніе ихъ къ Франціи въ качествѣ департаментовъ республики и 3) полная государственная самостоятельность Эльзаса и Лотарингіи.

Настоящее положеніе Эльзаса и Лотарингіи, связанныхъ съ Германіей при слишкомъ широкомъ посредничествѣ Пруссіи и при томъ связанныхъ не политическими или культурными отношеніями, а только грубой военной силой,—признается уже и въ Германіи ненормальнымъ и недопустимымъ и даже вреднымъ для самой Имперіи. Не нужно забывать, что Германіи пришлось въ самомъ началѣ войны заключить большое количество такихъ своихъ «гражданъ» эльзась-лотарингской національности въ концентраціонные лагеря и чувствовать себя въ Эльзасѣ и Лотарингіи какъ въ враждебныхъ странахъ.

И такъ, Германія, пожалуй, готова исправить свою ошибку 1871 года послѣ настоящей войны, но, конечно, не въ пользу Франціи. Нужно полагать, что на возвращеніе Эльзаса и Лотарингіи Франціи германцы никогда не согласятся: слишкомъ уже много страстей и увлеченій связано съ этимъ вопросомъ. Присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи къ Франціи было бы въ сущности повтореніемъ ошибки 1871 года и создало бы тотъ же международный вопросъ съ такой же, если только не большей возможностью новой европейской войны. Эльзась и Лотарингія стали бы снова яблокомъ раздора и постояннымъ поводомъ

къ войнѣ между Германіей и Франціей. Да и Франція сама, при всей симпатіи и расположенности къ своимъ эльзась-лотарингскимъ братьямъ, едва ли съ радостью приметъ такой опасный подарокъ, который вызоветъ чудовищныя траты на вооруженіе и крѣпости и будетъ грозить всегдашней возможностью ужаснаго взрыва новой обще-европейской войны.

Рѣшеніе этого щекотливаго вопроса въ наиболѣе политически-цѣлесообразной формѣ нужно искать не въ германскихъ и не во французскихъ источникахъ, а у самихъ эльзась-лотарингцевъ. Эльзась-лотарингскіе политическіе дѣятели, достаточно хорошо изучившіе и Германію, и Францію, до войны 1914 года ставили идеаломъ достиженіе такой степени автономіи въ составѣ Германской Имперіи, какой пользуются входящія въ ея составъ союзныя государства. Начавъ борьбу съ германизацией края во имя идеи «эльзаскаго долга», т.-е. долга сохраненія и развитія своей національной индивидуальности, эльзась-лотарингскій парламентъ въ январѣ 1914 года принялъ резолюцію, требующую полной автономіи для обѣихъ областей. Но это было до войны. Война и ослабленіе Германіи даютъ эльзась-лотарингцамъ право и возможность превратить свои резолютивныя пожеланія въ реальную политическую программу «и распырить ее въ сторону достиженія не только автономіи, но и полной государственной самостоятельности».

Правда, современныя политическія теченія какъ будто бы не благопріятствуютъ образованію и существованію мелкихъ государствъ среди мощныхъ государствъ типа Левіаановъ европейскаго типа. Но есть одинъ разрядъ мелкихъ государствъ, который имѣетъ всѣ разумныя основанія для своего существованія: это такъ называемыя государства-буферы. Политическій опытъ уже давно выдвинулъ эту идею разьединенія великихъ державъ, всегда болѣе склонныхъ къ военнымъ выступленіямъ, посредствомъ мелкихъ нейтрализованныхъ государственныхъ территорій, которыя до извѣстной степени могли бы препятствовать непосредственнымъ столкновеніямъ ихъ. Идея эта за настоящую войну нисколько не утратила своего значенія, несмотря на горькій опытъ Бельгіи. Бельгія исполнила съ геройствомъ и успѣхомъ свое назначеніе государства-буфера между Германіей и Франціей. Намъ кажется, что и въ будущемъ отношенія Франціи и Германіи, каковы бы ни были исходъ настоящей войны, не потеряютъ своего враждебнаго характера и поэтому созданіе непрерывной линіи такихъ государствъ-буферовъ на протяженіи всей длины границъ между Германіей и Франціей представляется актомъ необходимой политической предосторожности. Если къ существовавшимъ до войны буферамъ—Бельгіи, Люксембургу и Швейцаріи—присоединить еще и Эльзась-Лотарингію, то Франція и Германія будутъ на всемъ протяженіи своихъ границъ разьединены одна отъ другой цѣпью мелкихъ, неимѣющихъ самостоятельнаго политическаго значенія военно-нейтрализованныхъ, государствъ.

Такое разрѣшеніе Эльзась-Лотарингскаго вопроса, казалось бы, должно удовлетворить всѣ заинтересованныя стороны. Германія вообще склонна развязаться съ своею непокорной окраиной, но она скорѣе согласится на ея полную самостоятельность, чѣмъ на возвращеніе Франціи, надѣясь получить въ будущемъ Эльзась-Лотарингскомъ государствѣ преобладающее вліяніе въ силу крѣпкихъ экономическихъ связей,

завязавшихся за 46 лѣтъ волею и неволею у эльзаскихъ мануфактуръ съ германскими потребителями. Эти связи нельзя упускать изъ виду при рѣшеніи эльзасъ-лотарингскаго вопроса: Эльзасъ имѣетъ чрезвычайно развитую крупную промышленность, слишкомъ тѣсно связанную съ германскимъ рынкомъ, оторвать эту промышленность отъ ея германскихъ связей и передать ее промышленнымъ кругамъ Франціи не только не легко, но и прямо невозможно безъ тяжкихъ потрясеній. Если же Эльзасъ и Лотарингія будутъ признаны самостоятельнымъ государствомъ, то опасность эта отпадаетъ: новое государство приметъ такой курсъ торговой политики, который наиболѣе отвѣчаетъ его нуждамъ. Пусть его ориентация въ этомъ отношеніи создастся въ пользу Германіи, это не угрожаетъ общему миру. Политическое же направленіе новаго государства будетъ безъ сомнѣнія направлено въ сторону всемѣрнаго поддержанія мира между Франціей и Германіей, за это говоритъ выработанная за 50 лѣтъ находенія въ рукахъ ненавистнаго поработителя осторожность, личная заинтересованность и доказанная миролюбивость эльзасъ-лотарингцевъ, которые на съѣздахъ пацифистовъ въ 1913 г. въ Мюльгаузенѣ (Мюлузъ) и въ Бернѣ всюду заявляли: «мы не хотимъ войны, мы хотимъ соглашения между Франціей и Германіей». Такое разрѣшеніе эльзасъ-лотарингскаго вопроса даетъ достаточныя гарантіи и всемъ европейскимъ державамъ, заинтересованнымъ въ поддержаніи мира въ Европѣ. Франція также поступитъ осторожнѣе, если не будетъ настаивать, даже и при благопріятныхъ для нея обстоятельствахъ, на присоединеніи къ ней Эльзаса и Лотарингіи, а согласится признать самостоятельность новаго государства, въ которомъ ей будетъ, конечно, отведено почетное мѣсто.

Возможна и еще одна комбинація при разрѣшеніи

Эльзасъ-лотарингскаго вопроса,—это присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи къ Швейцарскому союзу на правахъ отдѣльнаго кантона. Сама Германія, или вѣрнѣе ея руководитель Бисмаркъ, имѣлъ такое намѣреніе предложить Эльзасъ и Лотарингію послѣ войны 1870 г. Швейцаріи, сознавая тогда уже всю невозможность и даже опасность включенія этихъ инородныхъ областей въ составъ Германской Имперіи. Правда, намѣреніе это прошло какъ мимолетная мысль подъ натискомъ патріотическаго настроенія нѣмецкихъ массъ послѣ войны 1870 года. Но сама мысль имѣла здравыя корни: Франція была бы лишена этихъ спорныхъ провинцій, которыя нѣмецкое патріотическое мнѣніе считало нѣмецкимъ историческимъ достояніемъ, а Германія вообще не видитъ большой разницы между Имперіей и Швейцарскимъ союзомъ, особенно его нѣмецкой части, сами же эльзасъ-лотарингцы имѣютъ много общаго съ швейцарцами и по духу, и по культурѣ.

Навѣрное, найдутся и другія комбинаціи для разрѣшенія эльзасъ-лотарингскаго вопроса, но совершенно должна быть исключена возможность оставленія этихъ провинцій въ до-военномъ ихъ положеніи.

Освобожденію Эльзасъ и Лотарингіи изъ-подъ германскаго владычества въ той или другой политической комбинаціи обязана всемѣрно содѣйствовать демократія во имя началъ справедливости и политической цѣлесообразности, хотя бы это и шло въ разрѣзъ съ формулой «безъ аннексий и контрибуцій». Не логически совершенными формулами опредѣляется жизнь, жизнь создаетъ свои формулы, которыя имѣютъ то преимущество передъ формулами логическими, что онѣ живыя и живительныя. Пусть такой живой формулой нашей внѣшней политики будетъ: «во имя права и справедливости противъ силы и насилія».

Н. Ануфриевъ.

НАЧАЛО ИЛИ КОНЕЦЪ?

Кажется, поѣа подводить итоги нашей революціи. Если большевистскіе мальчики и кое-кто изъ лирически настроенныхъ интеллигентовъ все еще воображаютъ, что продолжается «углубленіе» революціи, то едва ли можно предположить, что подлинныя вожаки большевиковъ склонны къ такимъ иллюзіямъ. Вожакъ знаютъ, въ чемъ дѣло.

Въ революціонномъ максимализмѣ есть свой «экзотеризмъ» и свой «эзотеризмъ», какъ во всякой черной магіи—недаромъ иные лѣвые социалисты-революционеры не скрываютъ своихъ симпатій къ нѣмецкому оккультизму.

Но программа черныхъ маговъ сшита бѣлыми нитками. И весь этотъ эзотеризмъ, весьма загадочный для черни, не такъ ужъ трудно расшифровать. Ключъ къ разрѣшенію незамысловатой большевистской шарды даетъ сама жизнь—то, что на языкѣ журналистовъ называется «внутреннимъ обозрѣніемъ». Къ сожалѣнію, обозрѣніе *внутреннее* сочетается нынѣ волею-неволею съ обозрѣніемъ *иностраннымъ*—и не потому только, что во главѣ нынѣшняго «русскаго» правительства стоятъ знатные иностранцы: этого требуетъ существо темы.

Прежде всего—Брестъ-Литовскъ.

Какъвы итоги мирныхъ переговоровъ? Со стороны Германіи рѣшительныя и твердыя требованія и аннексий, и контрибуцій за счетъ Россіи и весьма недвусмысленныя угрозы по адресу строптиваго Запада; со стороны нашихъ «интернационалистовъ» торжественный «выходъ» изъ войны и тщетныя вопли о помощи, обращенныя къ берлинскимъ «братьямъ-пролетаріямъ».

Чтобы не быть голословнымъ и не давагъ повода къ обвиненію насъ въ излишнемъ пессимизмѣ и въ непониманіи революціоннаго духа великодержавнаго германскаго пролетаріата, обратимся къ компетентному мнѣнію весьма извѣстнаго агента нашей «революціи»—господина Радека, коему двойное «подданство» позволяетъ быть весьма освѣдомленнымъ. «Всеобщая забастовка въ Германіи—пишетъ г. К. Радекъ въ большевистской офиціозной «Правдѣ»—кончается или, по меньшей мѣрѣ, идетъ на убыль. *Ничего другаго нельзя было и ожидать.* (Курсивъ мой, а не г. Радека). Всеобщая забастовка или разростается въ возстаніе, или же кончается; длиться безконечно она не можетъ. Народныя массы, которыя въ теченіе сорока лѣтъ

сжились съ мирными формами борьбы, не въ состоянн въ одинъ пріемъ перескочить отъ избирательной урны къ баррикадѣ». («Нов. Жизнь». 12 февр. н. ст. 1918 г.). Такова дѣйствительность. Впрочемъ, г. Радекъ не унываетъ. Онъ находитъ, что кое-что сдѣлано. И ему, разумѣется, унывать не приходится.

Но для нашего «внутренняго обозрѣнія» важно одно: въ Германіи нѣтъ признаковъ не только социальной революціи, но даже нѣтъ надежды на революцію политическую.

Долженъ покаяться, что какъ ни низко оцѣниваю я «свободолюбіе» германскаго народа, все же въ первые весенніе дни русской революціи я питалъ надежду на паденіе прусской монархіи и видѣлъ въ этомъ возможный «выходъ» изъ войны европейскнхъ демократій и прежде всего Россіи.

Но нѣмецкій народъ не можетъ, повидимому, разстаться со своимъ возлюбленнымъ Гогенцоллерномъ. «Ничего другого нельзя было и ожидать»,—цинично заявляетъ г. Радекъ.

Но, вѣдь, какъ разъ на этомъ *ожиданн* политической и даже социальной революціи въ Германіи построена официальная программа представителей нашей нынѣшней власти!

Господа Ульяновъ-Ленинъ и Бронштейнъ-Троцкій все-таки, вѣдь, бывшіе социаль-демократы. А Бронштейнъ кромѣ того не дуракъ. Значитъ, они то не могутъ не понимать, что теперь, когда выяснилось окончательно нежеланіе нѣмцевъ итти навстрѣчу социальному утопизму, въ Россіи никакъ ужъ не наладишь никакого коммунизма, даже самаго нищаго, мужицкаго и первобытнаго.

Ульянову и Бронштейну теперь въ Россіи дѣлать нечего. Это ясно, какъ Божій день, для всякаго разумнаго человѣка и тѣмъ паче для всякаго грамотнаго социалиста.

Но пока, не боясь историческаго парадокса и своего ридикюльнаго положенія, эти «диктаторы» продолжаютъ судорожно цѣпляться за Россійскую державу,—по какимъ мотивамъ—чортъ ихъ знаетъ. Событія, совершающіяся нынѣ въ Россіи и въ Европѣ, такъ огромны, что совершенно неважными представляются намъ опубликованные нынѣ документы и телеграммы, подписанные председателемъ Рейнско-Вестфальскаго промышленнаго синдиката Корддорфомъ на имя центральной конторы Ниа-Банкенъ въ Стокгольмѣ относительно финансированія русскихъ «интернационалистовъ».

Прошло нѣсколько недѣль со дня опубликованія этихъ позорныхъ документовъ. До сихъ поръ разоблаченія эти не опровергнуты. Но—повторяю—вся эта мерзость не касается существа дѣла.

Въ качествѣ внутренняго обозрѣвателя приходится не обращать вниманія на личныя и нравственныя предпосылки въ поступкахъ тѣхъ или другихъ политическихъ дѣятелей. Это можетъ интересовать только тѣхъ «честныхъ интернационалистовъ», которые не побрезговали сѣсть за столъ съ подобными клиентами нѣмецкихъ банковъ.

Если бы наши правители опровергли убійственную для нихъ разоблаченія, это, конечно, было бы немаловажно въ планѣ общечеловѣческой нравственности, но не имѣло бы большого политическаго значенія.

Большевизмъ опредѣляется не усиліями знатныхъ иностранцевъ. Это—стихія, выведенная изъ своего

равновѣсія и затопившая нынѣ Россію,—стихія, которую использовали особаго рода техники для колесъ своей чортовой мельницы.

По мѣрѣ того какъ выясняется провалъ идеи социальной революціи въ Европѣ, большевистское море разливается по обширнѣйшей нашей равнинѣ и, вѣроятно, захлѣснетъ скоро послѣдніе островки на Дочу и въ Сибири, гдѣ еще были живы сознаніе и чувство государственности.

Самоубійство генерала Каледина служить какъ бы знакомъ, предохраняющимъ насъ отъ напрасныхъ надеждъ на героическіе способы борьбы съ тою анархическою волною, которая по внутреннимъ причинамъ и таинственнымъ законамъ должна затопить на единый историческій мигъ всю Россію, непремѣнно всю Россію,—и это даже лучше, что всю, а не отдѣльныя ея провинціи, потому что половодье это въ стихійной своей безсознательности *объединитъ* распавшуюся было родину нашу.

Но что же дальше? Въ состоянн анархіи мы не можемъ пребывать перманентно. Программа, намѣченная г. Ленинымъ въ его напутственной рѣчи большевистскимъ агитаторамъ—«грабьте награбленное»—не можетъ быть длительной, прежде всего потому, что новые грабители тотчасъ же, получивъ свою долю попадутъ въ положеніе буржуевъ, а буржуи, ставъ пролетаріями, окажутся чего добраго въ рядахъ красной гвардіи. Программа, какъ видите, не слишкомъ устойчива.

Правда, грабительская программа, намѣченная г. Ленинымъ, пока проводится дослѣдовательно и очень недвусмысленно. Взятка—чегъ не могутъ скрыть и большевистскіе трибуналы—сдѣлалась все опредѣляющимъ факторомъ нашего великаго «коммунизма».

И этотъ позоръ, и эта мерзость не были бы существенны, если бы послѣдствіемъ подобной грабительской программы не было бы полное уничтоженіе русской городской культуры. Удары большевистскаго правительства направлены, впрочемъ, вовсе не противъ крупной буржуазіи (крупныхъ буржуевъ почти всегда спасаетъ эта самая традиціонная взятка), а противъ русской промышленности, какъ таковой. Кому-то нужно разорить до конца русскую промышленность, разгромить фабрики и заводы, задушить всѣ производительныя силы страны и превратить Россію въ мелко-буржуазное мужицкое царство—въ удобный и выгодный рынокъ для германскихъ капиталистовъ.

Попутно программа большевиковъ громитъ русскую интеллигенцію. И это понятно: интеллигенція опасна, ибо она можетъ открыть глаза простецамъ. Вотъ почему раздавлена пресса, не выходятъ вовсе русскія книги и всѣ грамотные граждане объявлены «врагами народа».

Всѣ спрашиваютъ другъ друга: какой же выходъ изъ подобнаго положенія? И естественно приходится возвращаться къ той чертѣ, которая отдѣляетъ *внутреннее* обозрѣніе отъ обозрѣнія *иностраннаго*. Что теперь будетъ дѣлать Германія? Я не знаю, входитъ или не входитъ въ ея планы оккупация Россіи. Въ сущности, ей нѣтъ надобности этимъ заниматься, ибо никакого «выхода» изъ войны не было: похабный миръ фактически былъ заключенъ. Въ этомъ отношеніи весьма любопытно интервью съ однимъ предста-

зители немецких сфер, которое по слову польских газет, передает *Н. Лучь*:

Въ отвѣтъ на заявленіе, что большевики, отказавшись подписать миръ, сохранили свободу дѣйствія, немецъ съ усмѣшкой сказалъ:

— Нѣтъ, это только жестъ въ сторону русской революціи, — ну, конечно, и Европы. Но въ той или иной формѣ, съ тѣмъ или инымъ жестомъ, миръ фактически уже заключенъ и твердо стоитъ на ногахъ. Когда подписывается соглашеніе, въ которомъ ясно сказано, что Россія прекращаетъ войну съ Германіей и всѣми ея союзниками, и что она обязуется объявить тотчасъ полную демобилизацію всѣхъ фронтовъ, то, вѣдь, это равносильно фактическому заключенію мира или *капитуляціи* независимо отъ того, добавляется ли къ этому какой-нибудь платоническій протестъ противъ нашихъ такъ называемыхъ аннексій. Это имѣло значеніе для Троцкого, а мы на эту уступку охотно согласились.

Я не знаю, на сколько точно это интервью, но оно въ достаточной мѣрѣ правдоподобно.

Улыбающийся немецъ правъ, — когда онъ говоритъ о *капитуляціи* Россіи. Значитъ, вопросъ идетъ о томъ, въ какой формѣ произойдетъ захватъ Россіи немцами — будутъ ли они наступать и возьмутъ Двинскъ, Ревель и такъ далѣе, — или они предпочтутъ объявить протекторатъ надъ Украиною, — или, не объявляя протектората, осуществятъ его на дѣлѣ. Возможна, конечно, еще одна попытка со стороны лѣвыхъ немецкихъ социаль-демократовъ «протестовать» противъ империалистической политики Гинденбурга, но едва ли она увѣнчается успѣхомъ.

Во всякомъ случаѣ отъ этого платоническаго «протеста» ничего существеннаго не произойдетъ, и опредѣлившееся вѣдливѣе предательство Россіи батрацкими диктаторами (корыстное или безкорыстное — рѣшительное все равно) остается ужасною правдою, безстыдною въ своей ничѣмъ не прикрытой наготѣ.

За этимъ предательствомъ и его послѣдствіемъ — разгромомъ русской матеріальной культуры — таится глубокая ненависть къ основамъ русской *духовной* культуры. И это самое важное и значительное.

Господа Ульяновы, Бронштейны, Радеки, Фюрстенберги и всѣ прочіе имъ подобные ненавидятъ Россію по существу. И надо имъ отдать справедливость, ихъ ненависть достаточно остра, послѣдовательна и ядовита. Игра соотвѣтственно этому идетъ во всю, съ азартомъ предѣльнымъ. Никакихъ компромиссныхъ рѣшеній быть уже не можетъ. Все духовно слабое и промежуточное, начиная отъ кадетовъ и кончая меньшевиками, къ власти едва ли вернется — по крайней мѣрѣ въ ближайшіе годы.

Теперь уже вопросъ идетъ не о той или иной формѣ государственности, а лишь о томъ — быть или не быть Россіи внутренне цѣльной и духовно независимой.

Вотъ почему всякое изъявленіе народной воли, клонящееся къ утвержденію этой духовной независимости, имѣетъ огромное значеніе. Вотъ почему посланіе «возлюбленнымъ о Господѣ пастырямъ и всѣмъ вѣрнымъ чадамъ Православной Церкви Россійской» патріарха Всея Россіи — событіе чрезвычайной важности.

Великій всенародный крестный ходъ и пѣніе народомъ и клиромъ — вопреки каноническимъ правиламъ — пасхальныхъ пѣсенъ имѣютъ значеніе воистину символическое и не бездѣйственное для будущаго Россіи.

Увлечшись примѣромъ гебертистовъ, азартные игроки рискнули подвергнуть Церковь кощунственному гоненію. Но, какъ извѣстно, *Ecclesia persecutionibus crevit*. И кровь епископовъ и священниковъ, пролитая въ дни общенароднаго бѣдствія, искупитъ грѣхи нашей національной церкви и, быть можетъ, будетъ залогомъ духовнаго возрожденія Россіи.

5 февраля 1918 г.

Б. К.

Редакторъ: Г. И. Чулковъ. Издатель: Московская Просвѣтительная Комиссія.

Типографія Товарищества Рябушинскихъ, Страстной бульваръ, Путинковскій пер., соб. домъ.